

Лев
Давыдычев

Жизнь
и страдания
Ивана Семёнова,
второклассника
и второгодника

Вся детская классика

Лев Давыдычев

**Жизнь и страдания
Ивана Семёнова,
второклассника и второгодника**

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Давыдычев Л. И.

Жизнь и страдания Ивана Семёнова, второклассника и
второгодника / Л. И. Давыдычев — «Издательство АСТ»,
1961 — (Вся детская классика)

ISBN 978-5-17-114778-5

Лев Иванович Давыдычев (1927—1988) — детский писатель. Им было написано много замечательных повестей про ребят, а также сказок. По повести «Жизнь и страдания Ивана Семёнова, второклассника и второгодника» в 1966 году был снят фильм. В нашу книгу их вошло три: про жизнь Ивана Семёнова, про Лёлишну из третьего подъезда и повесть «Друзья мои, приятели». Как писал сам Лев Давыдычев, рассказы про ребят он старался изобразить веселыми и интересными, чтобы у юного читателя не возникало желания отложить книжку. Эта книга про обыкновенных ребят, с которыми постоянно что-нибудь приключается. Иван Семёнов, например, второклассник, он не любит учиться, но зато любит что-нибудь выдумывать и привирать, а жизнь одиннадцатилетней Лёлишны Охлопковой сильно изменилась с приездом в город цирка. Герой третьей повести, Павлик Меркушев, расскажет о первых днях жизни и героической борьбе с несправедливостью в Нижних Петухах, куда его отправили погостить родители. Всем озорным и веселым посвящается. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114778-5

© Давыдычев Л. И., 1961
© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника, написанная на основе личных наблюдений автора и рассказов, которые он слышал от участников, излагаемых событий, а также некоторой доли фантазии	6
Глава 1,	6
Глава 2,	12
Глава 3,	18
Глава 4,	25
Глава 5,	30
Глава 6,	39
Глава 7,	46
Глава 8,	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лев Давыдычев

Жизнь и страдания Ивана Семёнова, второклассника и второгодника

**Многотрудная, полная невзгод и опасностей
жизнь Ивана Семёнова, второклассника и
второгодника, написанная на основе личных
наблюдений автора и рассказов, которые
он слышал от участников, излагаемых
событий, а также некоторой доли фантазии**

Глава 1, служащая как бы вступлением к описанию жизни Ивана Семёнова и объясняющая некоторые причины его дальнейшего поведения

Самый несчастный человек на свете

Иван Семёнов – несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всем белом свете.

Почему? Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться, и жизнь для него – сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на нее налезет.

И этот богатырь учится хуже всех в классе.

А честно говоря, учится он хуже всех в школе.

Обидно?

Еще как!

Кому обидно?

Да всему классу!

Да всей школе обидно!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип! В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу – заболел воспалением легких. А воспаление легких – тяжелая болезнь.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!

Аспирин-пирин-пирин!

От лекарства пропаду-ду-ду!

Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Иван. Похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой подзаняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся – руку вывихнул и голову чуть не расколол.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поет-распевает:

На кровати я лежу-жу-жу!
Больше в школу не хожу-жу-жу!
Лучше мне калеккой быть-быть-быть!
Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семёнов! Уж совсем поправился, а как врач придет, Иван сейчас застонет, глаза закатит и не шевелится.

– Ничего не могу понять, – растерянно говорит врач, – совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, как раненный на войне, медленно опускает ноги с кровати, встает.

– Вот и молодец, – говорит врач. – Завтра можешь идти в школу.

Иван – хлоп на пол. Только голова состукала.

Его обратно в кровать.

А план у Ивана был простой – болеть как можно дольше. И всех бы он, Иван Семёнов, перехитрил, если бы не злосчастная муха.

Муха, обыкновенная муха подвела Ивана.

Залетела она в комнату и давай жужжать. Потом давай Ивану на нос садиться. Он ее гонял, гонял – никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой.

Она жужжит.

Иван чуть не кричит.

Извела муха Ивана.

И спокойненько уселась на потолок.

«Подожди, – решил Иван, – сейчас я тебе напинаяю».

Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и – залез.

А муха улетела.

Иван от злости давай по потолку полотенцем хлопать!

Вспотел даже.

В это время в комнату вошел врач. Ну и попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он мух бьет кулаком, да изо всех сил!

Оставили Ивана во втором классе на второй год!

Все Ивана жалели.

А он?

А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учеба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнет перо в чернила, вздохнет – клякса.

Иван ее промокашкой – хлоп!

Клякса посветлеет, но станет еще больше. Иван снова обмакнет перо, снова вздохнет и – снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась. Пришел бы в класс, спокойненько сел бы на свое место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы ее в парту. Идет урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова – где?

В парте!

Звонок на перемену. Иван привинчивает голову и носится по школе.

Звонок на урок. Иван голову – вжик! вжик! вжик! – и обратно в парту. Сидит.

Красота!

Думал Иван, думал и придумал однажды замечательную штуку.

Пришел он как-то в школу, сел за парту и молчит. Минуту молчит, вторую молчит, третью... Пять минут прошло, а он – молчит!

– Что с тобой? – спрашивают ребята. Иван отвечает:

– Зззззззззззз, – и голова у него дергается.

– Заболел? – спрашивают ребята.

Иван кивает.

– Чем заболел?

Иван медленно встает из-за парты, прихрамывая, идет, останавливается перед классной доской и мелом на ней пишет:

Я ЗАЙКА

Ребята ничего не понимают. Колька Веткин говорит:

– Да ты и не похож на зайца.

Иван весь задрожал и:

– Зззззззззззз...

– Зайкой он стал! – догадался Паша Воробьев. – Зайкой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

– Семёнов болен!

– Он зайкой стал!

– Не зайкой, а зайкой!

– Говорить не может!

– Трясется!

И всем классом, хором:

– Зззззззззззз...

– Тише, – сказала Анна Антоновна и вызвала Ивана к доске, и стала спрашивать.

А он отвечал так:

– Трр...бр...д... – и голова у него дергалась.

– Молодец, – сказала Анна Антоновна, – правильно ответил. Ставлю тебе пять с плюсом.

– Пять с плюсом! – радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четверки-то не получал.

А ребята захохотали.

А громче всех – Колька Веткин.

Вызвали отца Ивана в школу.

Ох, и попало потом зайке-зайке!

И сказал он друзьям:

– Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учебы совсем плохо. Сегодня же напишу заявление.

– А куда, куда заявление? – с огромной завистью спросил Колька. – Отвечай давай, если совесть у тебя есть! А не ответишь, то отвечать будешь за все свои штучки!

– Совесть у меня есть, не беспокойся, – со вздохом проговорил Иван. – Но не имею я права каждому рассказывать, куда заявление о пенсии писать буду.

От обиды и возмущения Колька весь задрожал и крикнул:

– Всегда ты такой! Собакой лаять научишь, ручки в пол втыкать научишь, а на пенсию один отправишься?!

– Ты соображай, – посоветовал Иван. – Если все на пенсию уйдут, кто же учиться будет? – И он ушел, опустив свою большую голову.

Весь вечер трудился Иван над заявлением.

Вот что у него получилось:

ВМИНЕСТЕРСТВО.

Учительница Меня Мучеит. за каждую ашипку ставит пару. Прашу принятмеру и асвабадит Меня по здоровю ат атучобы спасибо. Хачю палучит пе пеньсию. За это квам опять спасибо и привет

Иван Семёнов

На конверте он написал:

Сталица Москва

Вминистерство

насчет пеньсии

ат Ивана Семёнова

С приветом квам заивление.

Через день почтальон принес письмо обратно и сказал Ивану:

– Нет такого адреса. И ошибок больно много. Рано тебе еще жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся, сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не расскажешь. Но вы уже, конечно, поняли, какой это несчастный человек.

И вот вам последний случай: надумали в шпионов играть. Ивану хотелось быть командиром советских разведчиков. А что получилось?

Как выбирали шпиона

Никто не сомневался, что лучше всего шпионом выбрать первоклассника Алика Соловьева. Его и поймать легко, и настукать ему в любой момент можно, если будет спорить. А если еще учесть, что Алик никогда не ябедничает, то станет ясно: лучше шпиона и не найти.

Правда, он трусоват. Играли как-то в американского летчика-шпиона Пауэрса. Пауэрсом выбрали Алика. Посадили его на крышу сарая – будто на самолете летит – и давай в него камнями (то есть ракетами) стрелять.

С двадцатого выстрела попали – шишка!

Хорошо, в общем, поиграли. А он обратно слезать боится. Орала на него, орала, снова ракеты запускали.

Пришел милиционер Егорушкин. Полез за Аликом, да сам с крыши грохнулся.

Попало ребятам.

И все-таки, лучше шпиона, чем Алик, не найти.

Кстати, он никак не мог научиться правильно произносить слова с приставками «пре» и «пере».

У него получалось:

– Я пер-прыгнул.

– Я пер-пугался.

– Я пер-бежал.

Значит, можно было считать, что Алик говорит на иностранном языке.

Всем было ясно, кто и на этот раз будет шпионом. Однако для видимости решили проголосовать и до того разорались, что Алик крикнул:

– Пер-катите!

Минутку помолчали и опять разорались.

Потом началась драка.

Драка началась из-за того, что Иван обозвал Кольку килькой.

– Какая такая килька? – обиженно спросил Колька.

– Маринованная, – ответил Иван, – или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

– Это я-то килька? – И Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. – Видал кильку?

Кто-то за кого-то заступился, и возник бой.

Главное в драке – не закрывать глаза.

А один друг Ивана – Паша Воробьев – всегда закрывал глаза и стоял в центре боя, вытянув руки по швам. Ну и доставалось же ему!

Иван любил драться. Он вам не будет разбирать, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться – машет он руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случалось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих.

– Плохо. – Иван опять вздохнул. – Не жизнь, а учеба. Мне бы только со школой разделиться, а там я... – Глаза его заблестели. – Да я сразу знаменитым человеком стану.

– Нет, не станешь ты знаменитым человеком, – сказала Анна Антоновна, – ты ведь знаменитый лодырь.

– Ну и что? Я ведь сейчас лодырь, а потом – нет.

– Потом поздно будет. Надо теперь же за ум браться. Жаль, жаль мне тебя, – повторила Анна Антоновна. – Плохо ты живешь, неинтересно. Подумай над этим. Обязательно подумай. Можешь идти.

– Как?! – поразился Иван. – А насчет драки?

– Сами разберетесь. Иди и даже не надейся, что будешь знаменитым человеком. Если, конечно, не справишься. Никогда лодыри не становились знаменитыми людьми.

– А я буду, – упрямо проговорил Иван. – Да вы знаете, кем я буду? Лунатиком! Первым лунатиком! – И сразу успокоился.

Анна Антоновна рассмеялась.

– Кем? Кем? – сквозь смех переспросила она.

– Лунатиком, – с гордостью ответил Иван. – На Луну полечу. Здоровых ведь будут подбирать.

– Так ведь... так ведь... – смех мешал Анне Антоновне говорить. – Лунатиком!.. Ох... ведь лунатик... это болезнь такая... Кто ею болеет, того и называют лунатиком.

– Да ну? – удивился Иван, но, человек упрямый, добавил твердо: – Так я лунатик и есть. Давным-давно болею.

Вышел он из учительской, плечами пожал. Стало ему непонятно отчего грустно.

– Ну? – спросили ребята. – Здорово попало?

– В том-то и дело, что не попало, – ответил Иван. – Но разговор был тяжелый.

– Тяжелый? – спросили ребята. – Это как?

– А вот так. Лучше и не спрашивайте. И жизнь у меня тяжелая, и даже разговоры у меня тяжелые. Не то что у вас. И еще она сказала, что я не лодырь, а просто несчастный человек.

– Врешь!

– Не верите, не надо. И еще она сказала: будешь ты, Иван Семёнов, знаменитым человеком.

- Да врешь! – возмутился Паша. – Ты же двоечник!
 - Ну и что? Она сказала, что все знаменитые люди в детстве были двоечниками.
 - А это видал? – спросил Колька, показывая Ивану три пальца, сложенные, сами понимаете, в одну фигуру, названия которой я что-то не припомню.
- Иван сжал кулаки.
- Пер-катите! – крикнул Алик. – А то опять пер-деретесь! Слышите?
 - Тем более, – грозно проговорил Иван, – что я, к вашему сведению, – лунатик.
 - А это еще что такое? – с удивлением спросили ребята.
 - Болезнь, – важно объяснил Иван. – Страшной силы болезнь. Просто не знаю, что и делать. – И, взглянув на ошеломленных приятелей, сказал: – Играть начнем в двенадцать часов ноль-ноль минут. Еще пожалеете, что меня шпионом выбрали!

Глава 2, в которой описывается игра в шпионов и встреча Ивана с настоящими шпионами, которые оказались ненастоящими

Странный человек в темных очках

В двенадцать часов ноль-ноль минут милиционер Егорушкин заметил около Клуба речников странного человека в пиджаке с поднятым воротником и в соломенной шляпе. Глаза его прятались за темными очками, руки были засунуты в карманы. Он все время оглядывался по сторонам и злобно скалил зубы.

В двенадцать часов ноль три минуты милиционер Егорушкин подошел к нему и спросил:
– Что это ты в таком подозрительном виде разгуливаешь? Да еще на территории клуба?

Да еще зубы скалишь?

Странный человек ответил хриплым голосом:

– Не понимайт!

Милиционер Егорушкин проговорил сердито:

– Вот доставлю в отделение, сразу поймешь.

Человек в темных очках вытащил из кармана пистолет, прицелился милиционеру в нос, крикнул:

– Бах! Бах!

И бросился наутек.

– Я тебе дам «Бах! Бах!»! – крикнул Егорушкин. – Ты у меня побахаешь!

Вскоре странный человек появился в продовольственном магазине. Он бросился к прилавку, оскалил зубы и хриплым голосом сказал:

– Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, цвай брот, шпиндель!

Продавщица спросила испуганно:

– Чего, чего?

– Р-рюки вверх! – прохрипел человек в темных очках. – Гутен так! Драй! Си бемоль! Урна!

Продавщица схватила нож, крикнула:

– Сам руки вверх, шпиндель!

Тогда странный человек вытащил пистолет, прицелился продавщице в нос и —

– Бах! Бах!

И выбежал из магазина.

Шпион убивает деда по прозвищу голова моя персона, а дед пытается взять шпиона в плен

Он промчался по улице и через несколько минут был у здания конторы. Там грелся на солнышке дед по прозвищу Голова Моя Персона.

Человек в темных очках подсел к нему, тяжело дыша. Дед спросил:

– В шпионов, что ли, играете?

– Не понимайт!

– Я говорю, в шпионов, что ли...

– Р-р-рюки вверх!

Дед послушно поднял обе руки вверх и недовольно пробормотал:

– Посидеть спокойно не дадут. А ежели я тебя самого в плен возьму?

Человек в темных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и —

– Ба! Бах!

И дед повалился на скамейку. Странный человек от изумления открыл рот. Вы, конечно, догадались, что пистолет у него был деревянный и никак не мог выстрелить по-настоящему.

А дед по прозвищу Голова Моя Персона лежал, закрыв глаза, не шевелился и только посапывал трубочкой.

– Дедушка, а дедушка, ты притворяешься?

– Ничего я не притворяюсь. Убил ты меня, голова моя персона.

– У-убил?!

– Наповал.

– А почему же ты разговариваешь?

– Вот поговорю немного, трубочку докурю и помру.

– Не умирай, дедушка миленький!

– Нет, помру, – упрямо повторил дед, – а тебе отвечать, голова моя персона.

Странный человек бросился бежать.

Дед быстро сел, позвал:

– Былхвост!

Из-под скамейки выполз заспанный пес.

– Усь шпиона!

Пес по кличке Былхвост в несколько шагов догнал странного человека, обежал его и отрезал путь к отступлению.

Смешной это был пес. Засоня, между нами говоря. Просыпался он только для того, чтобы поесть и почесаться. Дед работал сторожем, и ему часто советовали сменить собаку.

– Засоня ведь он, – говорили деду, – проспит всех жуликов.

– Не беспокойтесь, граждане, – отвечал в таких случаях дед, – я его разбужу в один момент, как только жуликов заслышу.

Вот и сейчас Былхвост тут же, на дороге, задремал. Поэтому дед через равные промежутки времени будил его криком:

– Усь!

– Дедушка! – попросил странный человек. – Убери ты своего зверя!

– Не понимайт! – ответил дед и принялся неторопливо набивать свою трубку табаком. –

Не так уж часто в нашем поселке шпионы встречаются. Я вот первый раз встретил. А ежели мы с Былхвостом задержали шпиона, то не отпустим. Отведем его прямо в милицию.

– Отпусти, дедушка!

– Как же я тебя отпущу, когда я убит наповал?

Тогда странный человек зарычал, оскалил зубы.

Пес проснулся.

Зевнул.

И нехотя зарычал.

Странный человек вытащил пистолет, прицелился в пса и крикнул:

– Бах! Бах!

Пес зевнул и ответил:

– Гав! Гав!

Странный человек хотел выстрелить еще раз, прицелился и крикнул:

– Гав!

И вдруг Былхвост начал пятиться все быстрее и быстрее.

А дед не своим голосом закричал:

– Брысь! Брысь отсюда!

Странный человек испуганно оглянулся.

Выгнув спину дугой, на Былхвоста двигалось чудовище – черное, безухое, трехногое – бродячий кот Бандюга.

– Беги от него! Беги! – кричал дед.

Поджав остаток хвоста, жалобно взвизгнув, пес юркнул в подворотню.

Бандюга гордо оглядывался по сторонам и облизывался – будто съел бедного пса целиком.

Странный человек в темных очках был свободен. Он показал язык сначала Бандюге, потом – деду, крикнул:

– Гутен так!

И убежал.

Жуткий случай, Иван в опасности

Как вы, конечно, догадались, это был наш знакомый Иван Семёнов – самый несчастный человек на всем белом свете.

Игра началась. Теперь Ивану надо было прятаться, да так, чтобы его не могли найти.

Между нами говоря, глупая игра. Сначала шпион прячется, его ищут. Но – попробуй найди его, если он залезет на чердак или в сарай, или дома под кроватью уснет!

И когда ему, шпиону, самому надоест прятаться, тогда он выходит на улицу и ждет не дождется, что его поймают.

Так случилось и с Иваном. Сидел он, сидел на чердаке, захотел есть до того, что начал грызть свой деревянный пистолет. Грыз, грыз – дуло отломилось. Пришлось пистолет выбросить. Иван решил сдаться в плен.

Только спустился он с чердака на лестничную площадку, как услышал голоса ребят.

– Вот это шпион, я понимаю! – кричал Колька Веткин.

Куда бы спрятаться?

Забраться на чердак не так-то просто: лесенка до пола не доходила – обрывалась в воздухе.

Иван заметался. Вдруг он увидел, что дверь в квартиру № 16 приоткрыта. Иван просмыгнул туда. Стоял он за дверью еле живой от страха, боялся дышать.

А ребята спорили: залезать им на чердак или нет?

Иван не сдержался и вздохнул, нечаянно дернул плечом, и дверь защелкнулась.

Сначала Иван испугался, потом обрадовался, потом опять испугался.

В квартире было тихо. На лестничной площадке – тоже: ребята ушли.

Иван попытался открыть дверь, но это ему не удалось: замок был непонятного устройства.

С горя Иван сел на пол и вытянул ноги. Придут хозяйева, подумают, что он вор, и посадят его, беднягу, в тюрьму. Но не это самое страшное. Вдруг хозяйева уехали куда-то и надолго, и Иван умрет здесь с голода?

А есть ему хотелось – кота Бандюгу бы сейчас съел – вот как!

Незаметно для самого себя Иван задремал. Во сне он увидел, что будто бы сидит в столовой и ест учебники. Они вкусные-вкусные. Особенно понравилась ему арифметика – с жареным луком и соусом. Как это раньше он не догадался учебники съесть?

Проснулся Иван от звука открываемого замка, стрелой пролетел в комнату и оказался под столом.

Чтобы зубы от страха не лязгали, Иван схватился за нижнюю челюсть руками.

В комнату вошли двое.

- Сразу начнем? – спросил мужской голос.
- Конечно, – ответил второй голос, – времени мало.
- И вот что дальше услышал Иван:
- Пистолет на стол! Так... Давно заброшены сюда?
- Два месяца назад.
- Сумели что-нибудь сделать?
- Пока нет.
- «ШПИОНЫ!» – пронеслось в голове у Ивана.

Они долго ругались, потом ушли на кухню, и Иван уже не слышал, о чем они говорили. Страх почти исчез. Иван торопливо соображал, что ему делать. И сообразил. Он вылез из-под стола, схватил пистолет и спрятался за дверь. Тяжелый пистолет оттягивал руку.

Двое вернулись в комнату.

– Хорошо закусили, – сказал один, – можно снова работать. Продолжаем. Итак, вы согласны выполнить это опасное задание?

- Готов.
- Учтите, что если вы будете схвачены советской разведкой...
- Живым я им не дамся.

Иван стал медленно поднимать руку с пистолетом. «Сосчитаю до семнадцати, – решил он, – и бабахну обоим!»

- Постойте, – услышал он, – а где же пистолет?
- На столе.
- Не вижу.
- Что за чудеса?

«Сосчитаю до тридцати двух, – решил Иван, – и обоим бабахну!»

Почему рассердился милиционер Егорушкин

О милиционере Егорушкине в поселке вспоминали лишь тогда, когда надо было забрать хулигана или пьяного, или поймать воришку.

Если все в поселке было спокойно, никто об Егорушкине и не вспоминал. Но только случится какой-нибудь неприятный случай, как все начинают ворчать:

- Куда это Егорушкин смотрит? За что деньги получает?

А он никогда не обижался на людскую несправедливость, потому что был умным человеком.

Казалось, что вывести его из себя нет никакой возможности. Разбушевавшихся хулиганов он умирал с таким брезгливым и спокойным выражением лица, с каким мы снимаем муху с липучей бумаги.

И вдруг милиционер Егорушкин вышел из себя. Человек, который ночью гнался на мотоцикле за автомашиной, а в ней – трое вооруженных бандитов, сегодня растерялся.

Рассердил его не кто иной, как наш дорогой Иван.

Больше всего на свете Егорушкин ненавидел лодырей: ведь именно из лодырей и вырастают жулики. Конечно, не каждый лодырь становится жуликом, но каждый жулик – это лодырь.

Новая выходка Ивана – темные очки, «Не понимайт!» и «Бах! Бах!» – рассердила Егорушкина, но он сдержался.

А тут еще возвращается из магазина жена и рассказывает...

А жена Егорушкина – та самая продавщица, в которую Иван бабахал.

– Ну, ладно... – сквозь зубы процедил Егорушкин. – Ты у меня еще узнаешь гутен так, шпindel!

Руки вверх! Стрелять буду!

Шпионы, в квартире которых оказался Иван, перевернули вверх дном всю комнату в поисках пистолета.

«Сосчитаю до ста сорока трех, – решил Иван, – и бабахну прямо сквозь дверь!»

А у самого коленки трясутся, зуб на зуб не попадает. Одно дело – шпионов в кино смотреть, другое дело – живых шпионов встретить.

– Что же это такое? – спрашивал один из них. – Я отлично помню, что положил его вот сюда. Я же погибну без него. Сколько раз меня предупреждали... С меня голову снимут.

– Придется сразу сознаться.

«Значит, сейчас они уйдут, – подумал Иван облегченно, но сразу же озадаченно нахмурил лоб. – Они уйдут, а как же я подвиг совершать буду? Нетушки, должен я героем стать!»

Иван ногой толкнул дверь, выбросил руку с пистолетом вперед и крикнул:

– Руки вверх! Стрелять буду!

Перед ним стояли двое мужчин, один длинный и старый, другой – невысокий, помоложе. Рука с пистолетом у Ивана дрожала.

– Стреляй, – сказал длинный и сел.

– Только целясь лучше, – посоветовал второй.

Иван нажал на спусковой крючок.

– Бах! Бах! – насмешливо сказал длинный. – Как ты сюда проник?

Иван понял, что дело его плохо, бросился в коридор, рванул дверь и...

Оказался в ванной комнате.

За его спиной скрипнула задвижка и раздался голос:

– Сиди, пока не придет милиция.

Взглянув на ванну, Иван радостно подумал: «Утоплюсь!» Он закрыл дверь на крючок, отвинтил оба крана. Полилась вода.

– Что ты делаешь? – раздалось за дверью. – Сейчас же открой!

Из одного крана била горячая струя, из другого – холодная. Иван обрадовался: ведь тонуть в теплой воде куда приятнее, чем в ледяной.

Он начал раздеваться.

А за дверью кричали. Она содрогалась от ударов.

Иван снял свою одежду, кроме трусов, и залез в ванну. Едва он погрузился в теплую воду, как сразу раздумал топиться. Дурак он, что ли? Вот сначала искупается, а там видно будет. Конечно, лучше, если он утонет. На похороны соберется вся школа. Выйдет директор и заревет. А потом скажет:

– Спи спокойно, дорогой Иван Семёнов. Прости нас.

Это мы виноваты в твоей смерти. Хоть ты и был лодырь, но человек ты был хороший. И зря мы тебя мучили. Зря не дали тебе уйти на пенсию...

– Сюда, пожалуйста, товарищ Егорушкин, – услышал Иван и похолодел в теплой воде.

В дверь постучали.

– Гражданин Семёнов, я требую, чтобы вы открыли дверь! – сказал Егорушкин.

Бесследное исчезновение Ивана

Чтобы вы не очень долго гадали, в чью квартиру попал Иван, я сам расскажу. Здесь жил актер драматического театра. Со своим товарищем он репетировал сцену из новой пьесы о шпионах.

Милиционер Егорушкин сорвал дверь с крючка, вошел в ванную комнату, осмотрелся и...

Ивана нигде не было.

Лежала на полу его одежда, а сам он словно растворился в воздухе или сквозь пол провалился.

– Сейчас обнаружим, – спокойно сказал Егорушкин.

Но спокойствие его было чисто внешнее, потому что, осмотрев ванную, он ничего не заметил. Никаких следов, кроме маленькой лужицы на полу.

– Мистика какая-то, – прошептал один из актеров.

Егорушкин снова заглянул под ванну – пусто. Взглянул вверх – на смывной бачок. Пожал плечами.

Вдруг все вздрогнуло: где-то рядом раздался писк.

Егорушкин резко нагнулся, заглянул за ванну и увидел голые пятки. Он схватил их, потянул.

– О-о-о-ой! – нечеловеческим голосом закричал Иван. – Голову-то оторвете!

– Я же тебя за ноги тащу...

– Ой! Голова застряла...

Тут Егорушкин сказал несколько слов, приводить которые я здесь не буду, так как убежден, что они вырвались у него случайно. Больше я ни разу таких слов от Егорушкина не слышал, хотя мы бывали с ним в переделках куда опаснее, чем эта вот история.

Вытащить Ивана, застрявшего под прямым углом между ванной и стеной, удалось не сразу. Ногами он еще мог пошевелить кое-как, а голова была стиснута.

Сначала Иван от боли подвывал, потом скулил, а потом просто орал благим матом.

Егорушкин сбегал в домоуправление за водопроводчиками. Они отключили воду, развинтили трубы, отодвинули ванну и – вытащили Ивана.

Тело его было в красных пятнах, в краске и известке. Говорить он не мог.

– Э-эх, – вздохнул Егорушкин, – такая огромная голова, а пустая. Придется тебя, дорогой друг, в больницу.

Иван обрадованно закивал.

– В сумасшедшей дом, – уточнил Егорушкин.

– Нетушки, – с трудом выговорил Иван. – Я нормальный. Я есть хочу. Здорово есть хочу.

– Может, накормить его? – спросил один из актеров.

– Кормите, если не жалко, – разрешил Егорушкин, – только пусть оденется.

Иван съел полкилограмма колбасы, полбуханки хлеба, выпил четыре кружки чаю и тут же, сидя, уснул. Даже храпывал. Устал, бедняга!

И чем, вы думаете, все кончилось?

Да тем, что Егорушкин отнес Ивана к нему домой. На руках!

Глава 3, в которой впервые появляется Аделаида, а Иван Семёнов пытается выдать себя за лунатика

Ивану приходит в голову мысль

Милиционер Егорушкин принес Ивана к нему домой, сдал родителям и сказал:
– Получите вашего обормота. До того нахулиганился, что захрапел.

Иван, конечно, проснулся, но притворился, что спит. Он подождал, когда уйдет Егорушкин, пока все в квартире уснут, тихонечно прокрался на кухню, поел хорошенько и снова лег.

И размечтался. Вот если бы за один день выучить все учебники за все классы! А? Ух, было бы здорово! Прощай, дорогая школа! Сидит Иван на выпускном вечере в президиуме, в самом центре, а выпускают его одного, Ивана.

Играет духовой оркестр.

Выходит директор и говорит:

– Товарищи, мы собрались сюда для того, чтобы выпустить на свободу из школы нашего лучшего ученика, выдающегося человека нашего поселка, гордость нашу – Ивана Семёнова. Всю жизнь ему не везло. Надо честно признаться, товарищи, что мы вели себя плохо. Не жалели Ивана нисколько. Мучили его, воспитывали, заставляли учиться, не заботились о его здоровье. Поэтому он и был самым несчастным человеком на всем белом свете. Но он взял себя в руки и совершил небывалый подвиг – за один день окончил все классы, всю школу. Да здравствует Иван Семёнов! Ура!

Тут Иван сообразил, что ведь все это показывают по телевизору, и крикнул: «Ура-а!»

Была ночь, и никто не услышал его крика.

В окно светила луна.

У Ивана сжалось сердце, когда он подумал: «А вдруг мне не удастся слетать на Луну? Вдруг какой-нибудь Колька Веткин окажется счастливым? Или Паша Воробьев. И уж совсем будет обидно, если я останусь на Земле, а на Луну полетит малявка Алик Соловьев!.. Нетушки! Я вас всех обскачу. С завтрашнего дня буду отличником – вот увидите. Ведь стоит только мне захотеть, и буду кем угодно!»

И опять размечтался Иван. Представьте себе: получает он сплошные пятерки. Никто его больше не ругает, не воспитывает. Все смотрят на него с уважением. Идет он по школе и слышит, как старшеклассники про него говорят:

– Это Иван Семёнов, знаменитый отличник.

Заснул Иван крепко, сладко.

Ивана будут тащить на буксире

Утром был разговор с отцом. (Ну и любят же поговорить эти взрослые! Нет чтоб просто сказать, что вел ты себя плохо, обормот ты такой – и все!)

– Скоро кончишь дурака валять? – спросил отец.

– Скоро.

– А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

– Понял.

– Тебе хоть немного стыдно?

– Стыдно.

– Немного, средне или очень?

– Очень.

– Больше не будешь?

– Нет.

И еще минут десять! Так и хочется сказать: «Да что я, маленький, что ли? Не понимаю? Все я прекрасно понимаю, но не везет мне. Я бы рад хорошо себя вести, но не получается!»

Вышел Иван на кухню, а там мама спрашивает:

– Скоро кончишь дурака валять?

– Скоро.

– А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

– Понял.

– Тебе хоть немного стыдно?

– Стыдно.

– Немного, средне или очень?

– Очень.

– Больше не будешь?

– Нет.

И еще минут десять! И когда в кухне появилась бабушка, Иван затараторил:

– Скоро кончу дурака валять, потому что тебе надоело со мной нянчиться. Мне стыдно очень. Больше не буду.

– Ненаглядный ты мой! – воскликнула бабушка. – И все-то ты понимаешь, бесценный!

Выбежав на улицу, Иван, конечно, тут же забыл обо всем, даже о том, что с сегодняшнего дня решил стать отличником.

Для него идти по улице – все равно что кино смотреть, а может, еще и интересней.

Кошку на окошке увидел – «мяу, мяу», – поздоровался.

Собака мимо бежала – «гав, гав» ей сказал.

«Кар! кар!» – ворону передразнил.

Стайку воробьев разогнал.

Взглядом проводил самолет и погудел, как мотор.

Попробовал грузовик обогнать.

Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и еще складывал их, получалось интересно:

БАКАНОМ ГАСТРОЛЕЯ

Около парикмахерской в зеркале соорил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали – послушал.

Впереди лейтенант шел – Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал.

И вдруг вспомнил: школа!

Почесал затылок, скомандовал:

– В школу бегом – марш!

Только пятки замелькали. Бежал, бежал, запыхался. Остановился, огляделся и давай хохотать – не в ту ведь сторону бежал!

– Гвардии рядовой Иван Семёнов, обратно шагом марш! Раз, два, левой! Раз, два, левой!

Кошку на окошке увидел – «мяу, мяу», – поздоровался.

Попробовал грузовик обогнать.

Собака мимо бежала – «гав, гав» ей сказал.

Три старушки спорили – послушал.

Около парикмахерской в зеркале сам себе шестнадцать раз кулак показал.

И вдруг весело стало – поплясал немного.

Пришел в школу усталый, еле дышит.

– Почему опять опоздал? – спрашивает Анна Антоновна. – Проспал?

– Нет.

– А что случилось?

– Ничего.

– Почему же опоздал?

– По улице шел и... опоздал.

– Все по улице шли, а опоздал только ты. Почему?

– Не знаю.

– Не знаешь, – с укоризной сказала Анна Антоновна. Тебе хоть немного стыдно?

– Стыдно. – Иван тяжело вздохнул. – Очень стыдно. Всем надоело со мной нянчиться.

Я больше не буду.

– А мы тебе не верим! – крикнул Паша.

– Мы всем классом решили, что тебе необходим буксир, – сказала Анна Антоновна.

– Какой буксир? – удивился Иван.

– Который тебя тащить будет! – крикнул Колька.

– Куда тащить?

– Мы найдем для тебя самого лучшего ученика из четвертых классов, – объяснила Анна Антоновна. – Он поможет учиться.

– А я и без буксира могу, – с гордостью сказал Иван. – Я еще вчера решил круглым отличником стать.

Тут раздался такой хохот, что Иван тоже захохотал. И чем громче смеялись ребята, тем громче смеялся Иван.

«Собачья жизнь»

Домой из школы Иван шел один. Настроение у него было... о-хо-хо! Испортилось у него настроение. «Вот всегда так бывает, – размышлял он, – только соберешься что-нибудь хорошее сделать – помешают. Буксир какой-то выдумали! Будто я сам не могу отличником стать. Ну, дело ваше... Вы этот буксир выдумали, вы и отвечать будете».

– Здорово живем, Семёнов! – окликнул его гревшийся на солнышке дед Голова Моя Персона. – Как жизнь шпионская?

Хотел Иван с горя мимо пройти, но вспомнил, что дед – мастер рассказывать разные истории, и присел рядом.

– Что смурый такой? – продолжал спрашивать дед. – Двочки мучают? У меня вот тоже беда. Можно сказать, несчастный случай. Надо нам с Былхвостом работу менять. Уж где только мы с ним не работали, а отовсюду я из-за него уходил.

– А почему, дедушка?

– Друг он мой. Не важно, что пес, а важно, что друг. Не могу я его бросить. А его отовсюду вежливо просят удалиться. Собачья у него жизнь! Характер у него уж больно невозможный. Вредный, я бы сказал. С виду пес смиренный, а засоня и лодырь. А вдруг вот найдет на него... ужас! Вот в кинотеатре мы с ним работали. Красота. Днем сплю, вечером кино смотрю, ночью дежурю, караулю. Так этот пес, будь он неладен, вдруг решил тоже в кино ходить. Пролезет в зал, полсеанса сидит смиренно, а потом – как начнет лаять! Все с мест повскакивают, крики, а он от криков совсем одуреет и под стульями носится. Ну, привяжу я его на веревку, а он скулит, прощения просит. «Дай, – говорю, – честное собачье слово, что больше не будешь». Он мордой кивает. Отвяжу я его. И опять старая история. Пришлось нам другую работу искать. Приняли нас в аптеку. Также красота! А там ночью дежурная старушка сидела. Кому ночью лекарство потребуется, тот постучит, старушка проснется и выдаст лекарство. Удобно. И кто это

пса научил в окно стучать? Ума не приложу. Подойдет он к окну и лапой стук-стук. Старушка просыпается, бежит открывать, а на крыльце Былхвост сидит. Улыбается, дурак. Терпела старушка, терпела и заявила начальству: «Или я, или пес!» Пошли мы новую работу искать. Вот в эту контору устроились... – дед махнул рукой и замолчал.

– Ну и что, дедушка?

– Ох... Даже и говорить страшно. Думается мне, что Былхвост лунатиком сделался.

– Лунатиком? – оживился Иван. – Это как?

– А вот так. Ночь. Тьма кромешная. Бывало, друг мой храпит вовсю. Пока есть не захочет. А сейчас ни с того ни с сего встанет и – пошел! Прямо! А глаза закрыты! Спит! – в ужасе крикнул дед. – Стоя спит! На ходу спит! Лунатик! Вот какие дела, голова моя персона.

– Так пусть он себе гуляет, дедушка.

– А вдруг его на крышу потянет? Лунатики, говорят, даже по проводам ходят.

– А почему их лунатиками называют?

– Так ведь без луны-то лунатиков не бывает, – ответил дед. – Тут все дело в луне. Она на них действует.

Ивану эта болезнь понравилась. Только не знал он: как ею заболеть?

Задумался.

И – придумал.

Вот это буксир!

После звонка с последнего урока Анна Антоновна задержала весь класс.

– Сейчас придет... – сказала она.

– Буксир! – крикнул Колька Веткин.

Приоткрылась дверь, и раздался голос:

– Можно?

– Входи, входи, – пригласила Анна Антоновна.

В класс вошла девочка.

– Буксир! – закричал Колька Веткин. – Вот это буксир, я понимаю! – И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Но больше никто не рассмеялся.

Иван втянул свою большую голову в плечи.

Дело в том, что если бы эта девочка родилась мальчиком, то из нее (то есть из него) получился бы борец или боксер самого тяжелого веса. Эта четвероклассница ростом была как семиклассница, а может быть, и больше.

Звали ее Аделаида.

Дочь крокодила

Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тетя. Один зуб у тети был не простой, а золотой. Когда на него попадал солнечный луч, зуб сверкал, как прожектор.

Ребята говорили, что раньше на месте этого зуба у тети рос клык. Потом его кто-то выбил, и она вставила себе золото.

Конечно, к взрослым надо относиться с уважением. Взрослые – это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в свое время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка посидит спокойно больше чем семнадцать минут, то может взорваться. Поэтому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзываться – только бы не взорваться!

Бывают среди взрослых и плохие люди, даже очень плохие. Это я вам говорю по секрету, и вы уж меня, пожалуйста, не выдавайте. Подрастете – сами увидите, что я прав.

Сейчас же разговор идет только о тете с золотым зубом.

Паша Воробьев назвал ее однажды крокодилом.

– Какой же она крокодил? – удивился Колька Веткин. – Крокодил – это он. А она – это она.

– Значит, крокодил женского рода, – заключил Паша.

Так тетю и стали звать.

Почему же к ней такое отношение?

Простому говоря, тетя эта была страшная злюка. Если бы разрешили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять.

Ох, и злая была!

Мороженое стоит одиннадцать копеек, а вам дома дали двенадцать – гривенник и двоекку.

Вы бегом к киоску.

– Дайте мороженку!

Глаза у тети округляются, лицо наливаются красной краской, и тетя кричит на весь поселок нечеловеческим голосом:

– Нету сдачи!

И тут вы хоть головой об киоск бейтесь, мороженки вы не получите. Ни за что.

И даже если вы сбегаете в ближайший магазин и разменяете деньги и принесете тете ровно одиннадцать копеек, то не думайте, что мороженка у вас в руках. Как бы не так!

Вполне может случиться, что тетя в это время жует. И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом:

– У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя?! – и еще кулаком погрозит.

А жевать она может долго. Скопится огромная очередь, а тетя жует и жует.

Наконец, все съела. Так вы думаете, что теперь получите мороженку? Вряд ли. Тетя крикнет:

– Пить захотела!

И сколько бы вы ее ни просили продать вам мороженку, тетя будет кричать, поблескивая золотым зубом:

– Все люди пьют, а мне нельзя? – И еще кулаком погрозит.

И уйдет на другой конец поселка к другому киоску, где торгуют газированной водой.

Пьет тетя медленно и не меньше семи стаканов.

Я бы не стал о ней рассказывать, если бы у нее не было дочери по имени Аделаида.

Страшное условие

Вот кто она была, эта девочка, из которой получился бы боксер или борец самого тяжелого веса, если бы она родилась мальчиком.

И у нее тоже был золотой зуб на том же месте, что и у мамы, и он тоже сверкал, как прожектор, когда на него попадал солнечный луч.

Итак, Колька крикнул:

– Вот это буксир, я понимаю. – И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Как вы помните, больше никто не рассмеялся.

Аделаида взглянула на Кольку и сказала:

– Плохо будет тому, кто обзовет меня хоть еще один раз.

И все поняли, что обзывать ее просто опасно – это вам не малявка Алик Соловьев.

– Который? – спросила Аделаида.

Все повернули головы в сторону Ивана.

– Я, – еле живой от стыда и страха, ответил он.

– Ну как? – спросила Анна Антоновна. – Согласна взять на буксир?

– Согласна. Но с одним условием.

– Каким условием? – хором спросил класс.

– Чтобы он не жаловался, – ответила Аделаида.

Иван спросил тихо:

– А чего мне жаловаться-то?

– А я стукнуть могу, – объяснила Аделаида, и ее золотой зуб сверкнул, как прожектор. –

Характер у меня страшный. Разозлюсь и – стукну.

Тут Иван совсем растерялся и проговорил:

– Я бы тебе тоже стукнул с удовольствием, но с девчонками драться нельзя.

– Правильно, – согласилась Аделаида, – потому что они слабее. А со мной можно. Я сильная. Но предупреждаю: драться со мной очень опасно.

– Почему? – хором спросил класс.

– Я силы рассчитывать не умею, – сказала Аделаида, – так стукнуть могу... – она тяжело вздохнула.

– Как? – опять спросил класс.

– А так... – Аделаида показала свой большущий кулак. – Видите? Раз и – вызывайте «Скорую помощь».

Класс притих. И никто не заметил, как улыбается Анна Антоновна.

– Я не согласен, – дрожащим голосом пробормотал Иван. – Это что же получается? Буксир обязан тащить, а не бить.

– А я и не собираюсь тебя бить, – сказала Аделаида. – Если ты меня слушаться будешь, зачем мне тебя бить?

– Значит, договорились, – сказала Анна Антоновна.

Иван выдает себя за лунатика

Впереди, боязливо втянув голову в плечи, шел Иван.

За ним широко и тяжело шагала Аделаида.

А на некотором от нее расстоянии стайкой семенили ребята.

Вдруг Иван резко остановился, обернулся и радостно закричал:

– Больной ведь я!

Подожли ребята. Аделаида спросила:

– Чем ты болен?

– Лунатик я, – гордо ответил Иван. – Ночами-то я не сплю. По крышам гуляю, по столбам прыгаю, по проводам хожу. Устану, не высплюсь – какая тут может быть учеба?

Ребята смотрели на него с удивлением.

– А почему тогда не лечишься? – спросил Колька.

– Лечусь, да ничего не помогает.

– А не врешь? – спросила Аделаида.

– Можете проверить, – ответил Иван, – пожалуйста, в любую ночь выходите и проверяйте.

Ребята восторженно загалдели.

– Тише, мелюзга! – прикрикнула Аделаида. – Проверим лунатика. Когда по крышам ходишь?

– Ну... часов так с двенадцати до... до самого утра! Иногда вы уже в школу идете, а я все еще по крышам скок-скок.

– А где?

– А везде. Сначала на нашу крышу влезая. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!

– И не падаешь?

– Могу и упасть. Тогда уж смерть. – Иван подмигнул притихшим ребятам. – Очень серьезная болезнь.

– Вот это болезнь, я понимаю! – с завистью прошептал Колька. – А как тебе заболеть удалось?

– Не помню.

– А если тебя веревками на ночь связывать? – спросил Паша.

– Пробовали. Но я любую веревку раз и – пошел дальше.

– А цепью если?

– То же самое получается.

– Ладно, ладно, – грозно проговорила Аделаида, сверкнув золотым зубом. – Всю ночь буду за тобой смотреть. И если ты наврал... – она погрозила большущим кулаком.

– Пожалуйста, смотри, проверяй сколько тебе угодно, – храбрился Иван. – Но учти: болезнь заразная. Тут один за мной подглядывал, так теперь ночами вместе со мной по крышам скачет. Понятно?

– Никаких болезней я не боюсь, – спокойно произнесла Аделаида. – Я очень здоровая.

– Мое дело предупредить, – упавшим голосом пробормотал Иван.

– А мое дело... – Аделаида опять погрозила ему своим большущим кулаком.

И когда она скрылась за углом, Иван сквозь зубы процедил:

– Как бы я тебя на буксир не взял, крокодильская ты дочь!

Глава 4, в которой описываются события одной ночи, а также подготовка к ней

Лунатик тренируется и чудом спасается от гибели

Если вы думаете, что Иван струсил, то ошибаетесь. Конечно, ему было не по себе, конечно, он побаивался, но отступить не собирался.

Он сидел на крыше и размышлял: «Жалко, если навернусь головой вниз. Реветь все будут, сто раз пожалеют, что такого человека погубили. Судить ведь всех будут! Ну ладно, так и быть – постараюсь не упасть. Придется для этого потренироваться.

Сказано – сделано: Иван начал тренировку.

Он пошел по гребню крыши. Дом трехэтажный, не очень и высоко, а колени трясутся.

Но если решил стать лунатиком – вперед!

Балансируя руками, Иван осторожно переставлял ноги. Глаза у него были закрыты – как будто бы кругом ночь.

Вдруг он услышал глухой хриплый рев, и в ноги ему ударилось что-то тяжелое и упругое.

Иван полетел вниз...

На мгновение открыл глаза – навстречу ему стремительно опрокидывалась земля. Все перевернулось.

Он зажмурился...

Иван катился вниз по крыше, руками нащупывая, за что бы зацепиться.

Пальцы его вцепились в водосточный желоб.

Руки от усилий онемели. Он не мог ими пошевелить. Ногами он шевелить боялся: казалось, что одно движение, и он соскользнет с крыши.

И даже лежать неподвижно и то было страшно.

«Да-а, – пронеслось в голове, – еще бы немного, и одним будущим отличником стало бы меньше».

Поднявшись на четвереньки, он вернулся на гребень крыши и сел. И тут-то увидел виновника своего падения, которое едва не кончилось гибелью, – кота Бандюга.

Кот сидел на трубе и ехидно улыбался.

– Дурак! – крикнул ему Иван. – Ты соображаешь или нет?

– Ма-а-а, – ответил Бандюга.

– Ма-а-а, – передразнил его Иван. – Балбес! Был бы у тебя хвост, я бы тебя за него и – с крыши!

Бандюга показал ему язык, отвернулся и помахал обрубком хвоста.

«А вдруг он меня ночью так же? – испуганно подумал Иван. – Тогда – все. Надо поймать его и спрятать».

– Бандюжечка миленький, – позвал Иван ласково. – Бандитик ты мой дорогой. Ну иди сюда, разбойничек.

– Ма-а! – ответил кот, даже не посмотрев в его сторону.

– Золотой мой, бесхвостенький, иди сюда!

Но недаром кота звали Бандюгой: хорошего к себе отношения он не принимал.

– Иди сюда, а то получишь, бесхвостая твоя натура! – закричал Иван.

И тогда кот подошел.

Загремела крыша и загудела, когда Иван бросился на Бандюгу и придавил его к железу.

– Ма-а-а-а-а!
– Два-а-а-а-а-а!
Куда же его спрятать?

Поединок на чердаке

Справиться с этим ужасным котом не было никакой возможности. Он орал, будто раненый тигр, кусался и царапался.

До того оба устали, что умолкли.

– Дурак ты, – тяжело дыша, сказал Иван, – чего ты? Я тебя накормлю, бай-бай уложу, а сам лунатить пойду.

Бандюга закрыл глаза и утих. Но Иван знал его подлый характер и рук не разжимал. Так они и сидели на чердаке, пока не отдышались.

Казалось, Бандюга совсем успокоился, но едва Иван поднялся, как кот снова обезумел. Опять он орал, кусался и царапался.

И – вырвался!

С победным ревом кот ринулся вниз, в отверстие, к которому была приставлена лестница.

По дороге он сбил с ног маленькую девочку. Иван девочки не заметил, запнулся об нее и полетел кувырком, считая головой ступеньки.

Стук!

Стук!

Стук!

Стук!

Другой бы на его месте тут же умер. Но Иван столько раз в жизни падал и ударялся о твердые предметы, что для него подобный полет – ерунда. Встал он, шмыгнув носом, почесал ушибленные места и – побежал дальше.

Бегал он за Бандюгой до позднего вечера, вернулся домой еле живой от усталости, поел хорошенько и лег отдохнуть.

Впереди была трудная ночь...

Луна была большая и яркая

Предстояло сложное дело: надо было улечься спать, в двенадцать часов незаметно выскользнуть из квартиры и так же незаметно вернуться.

Особенно трудно было сделать это Аделаиде. Мамаша ее до смерти боялась жуликов. Поэтому во дворе на здоровенной цепи сидел здоровенный пес, а на двери было три висячих и четыре врезных замка, две щеколды да еще цепочка.

Окна закрывались ставнями, а ставни – замками.

Но Аделаида твердо решила сбежать.

А как выскользнуть из дома, в котором даже окна закрываются на замки?

Мамаша Аделаиды в этот вечер так ругалась с покупателями, что еле дошла до дома, хриплым голосом попросила пить, выпила семь стаканов квасу и легла. И сразу заснула.

Около двенадцати часов ночи Аделаида уже была в условленном месте – на скамейке под огромной липой напротив клуба.

Сюда пришли еще трое: Паша Воробьев, Колька Веткин и – совершенно неожиданно! – Алик Соловьев.

– Мама с папой уехали в дом отдыха, – сказал он, – я остался с бабушкой. А бабушку я легко перехитрил.

А Паша и Колька придумали так: соврали, что будто бы ночуют друг у друга.

– Смотреть в оба! – приказала Аделаида, и в лунном свете золотой зуб ее грозно поблескивал.

Луна была большая и яркая.

Смотрели, смотрели на пустые крыши, заскучали.

– А это правда, что ты его бить будешь? – спросил Алик.

– А это от него зависит, – ответила Аделаида.

Мимо прошел дед Голова Моя Персона с Былхвостом.

– Отведу я тебя, дурака, в больницу, – донеслось до ребят, – там дадут жизни. Взвоешь. Пожалеешь, что не слушался меня.

Вот уже и прохожих больше не было.

Ни одного огонька не светилось в окнах. Алик уснул сидя и во сне сладко причмокивал губами. Паша толкал его в бок, чтобы самому не заснуть. Сияла огромная луна, будто дразнила незадачливых наблюдателей.

– Лунатик несчастный, – прошептала Аделаида, – получишь ты у меня...

– Я спать хочу... – жалобно протянул Паша.

– Сахара, сахара, сахара! – во сне крикнул Алик.

– А шоколада не хочешь? – рассердилась Аделаида.

– Скоро пойдем по домам.

– По каким домам? – чуть не плача, спросил Паша.

– Я ведь у него ночую, – он показал на спящего Кольку, – а он у меня. А мы оба на улице.

– Пер-станьте! – во сне крикнул Алик, вскочил, побежал, упал и заревел что было сил.

Колька спросонья тоже закричал:

– Лампочки держите!

А Паша с испугу запел:

– Не кочегары мы, не плотники!

И тут Аделаида доказала, что если бы она родилась мальчиком, то стала бы боксером или борцом. Она стукнула Кольку по затылку и приказала:

– Цыц!

Она схватила Алика за шиворот, поставила на ноги и приказала:

– Цыц!

Паша с перепугу приказал сам себе:

– Цыц! – И замер, вытянув руки по швам, пятки вместе, носки врозь.

– То-то, – сказала Аделаида, – мелюзга несчастная. Пойдете ночевать к Алику.

– Бабушка утром пер-пугается.

– Ничего. Марш домой!

– А ты? – спросил Колька.

– Буду продолжать наблюдение.

Ребята ушли.

Луна-то была. А никакого лунатика не было...

Ну и ночка!

Иван в то время спал самым, как сказал бы Алик, пер-спокойным образом. И спал Иван потому, что устал. А устал Иван потому, что за Бандюгой гонялся. А гонялся он за Бандюгой потому, что хотел его спрятать. А спрятать его он хотел потому, что Бандюга мог помешать ему лунатить.

Устал Иван, лег отдохнуть да и уснул до утра.

Аделаида знала, что никакой он не лунатик и что вообще все это выдумки. Спорить же с Иваном бесполезно: он кого угодно переговорит и наврет столько, что не разберешь.

Надо было его уличить.

Поэтому Аделаида и сидела на скамейке под огромной липой напротив клуба. Глаза сами собой закрывались.

Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.

Прямо на нее шел пес. Поймите, не просто шел, а прямо на нее.

Аделаида не шевелилась.

Пес ткнулся влажным носом в ее колено и замер с закрытыми глазами.

Из-за угла клуба появились две фигуры и направились прямо к Аделаиде.

Впереди шагал милиционер Егорушкин, за ним вприпрыжку торопился дед Голова Моя Персона.

«Попалась, – подумала Аделаида. – Теперь мне попадет! Да еще как!»

– Вот он, лунатик! – обрадованно на всю улицу закричал дед. – Былхвост!

– А это что за особа? – удивленно спросил Егорушкин, направляя луч электрического фонарика на девочку. – Ты что здесь делаешь?

– Лунатика караулю.

– Какого еще лунатика?

И Аделаида рассказала о том, как ее попросили взять Ивана Семёнова на буксир и что из этого вышло.

– Эх, сколь лунатиков-то развелось! – воскликнул дед.

Откуда-то донеслись не то крики, не то плач...

Все прислушались.

– За мной! – приказал Егорушкин.

Выбежав за угол, они увидели Пашу, Кольку и Алика, которые брели по улице и ревели.

Увидев милиционера, ребята умолкли.

Оказалось, что бабушка Алика была глуховатой, и они не могли ни достучаться, ни дозвониться.

– Ну и ночка! – сказал Егорушкин. – Придется всех вас за нарушение общественного порядка отвести в отделение.

– Не надо-о-о-о!

– А что мне с вами делать прикажете?

– Иван во всем виноват, – прохныкал Колька, – из-за него... все случилось!

– Виновата я, – сказала Аделаида.

– Граждане! – воскликнул дед. – Спросите меня, кто виноват, отвечу. Спрашивайте!

– Кто виноват? – спросил Егорушкин.

– Я! – гордо ответил дед. – Это я, голова моя персона, про лунатиков Ивану рассказал. Значит, надоумил его. Готов понести заслуженное наказание.

– Сейчас надо решить, куда эту мелюзгу спрятать, – озабоченно проговорил Егорушкин. – Уж вы меня извините, а придется родителей будить.

Когда все разошлись, дед сказал:

– Идем, Былхвост, на дежурство. И не вздумай больше лунатика из себя строить. Кончилось мое терпение. Понял?

Утром Иван пришел в школу чуть ли не первым.

Утром

Вернее, не пришел, а прибежал. Он трусил. Очень. Даже стыдился немного. Он понимал, что теперь никто ему не поверит, сколько ни сочинишь про свою болезнь. Невезучий он человек – что поделаешь? Не нарочно же он проспал.

Одна только и была надежда, что Аделаида тоже проспала.

Тут она и подошла. И с нею ребята.

– Вчера я себя прекрасно чувствовал, – сказал Иван. – Пилюль много съел. Помогло. Всю ночь спал. Впервые за много лет. А вы?

– А мы ночью дежурили, – ответила Аделаида, – с товарищем Егорушкиным.

– А также с псом Былхвостом, – добавил Паша, – он тоже лунатик. Вроде тебя.

– Врун ты и хвастун, – сказала Аделаида. – Из-за тебя им дома, знаешь, как попало?

Ребята громко вздохнули.

– После уроков останешься, – приказала Аделаида, – начнем!

У Ивана мороз по коже пробежал.

– И правильно! – воскликнул Иван. – Еще мало попало! Да я бы вас всех за такое безобразие в милицию бы забрал! Суток на семьдесят!

– За какое такое безобразие?! – поразился Колька Веткин.

– Пер-путал ты что-то, – сказал Алик Соловьев.

– Это пер-ступников в милицию забирают.

– А может, вы и есть преступники во главе вот с этой особой. – Иван показал на Аделаиду. – Зачем к человеку пристали? – крикнул он. – Почему человеку нормально жить не даете? Почему даже ночью ему от вас покоя нет?!

– Так ведь мы... – пробормотал Паша Воробьев. – Так ведь мы ему помочь хотели!

– Не нужна ему ваша помощь ни капельки! – сказал Иван, отвернувшись. – Он жить – по-человечески хочет! Ему ночью спать надо, а вы хотите, чтобы он по крышам скакал да по проводам бегал! Не выйдет!

Глава 5, писать которую автору очень не хотелось, потому что в ней Иван Семёнов снова совершает ряд плохих поступков, начинает драку с Аделаидой, терпит поражение и... выступает по телевидению

Аделаида наносит первый удар

После уроков Аделаида поймала Ивана уже во дворе школы и за руку привела обратно в класс.

– Не могу я сейчас заниматься, – жалобно сказал Иван, – есть я хочу. Когда я голодный, то могу в любой момент – хлоп на пол.

– А если поешь?

– Тогда все в порядке. Могу хоть целый час заниматься.

Аделаида достала из портфеля сверток, развернула – шесть бутербродов с маслом и колбасой.

«Ух ты, крокодильская дочь! – подумал Иван. – Вот свалилась на мою голову!»

– Ешь, – грозно проговорила Аделаида, – лодырь несчастный. Лунатик заспанный.

– А ты паровоз бесколесный.

– А ты... – Но она сдержалась, иначе бы они разругались, и предложила: – Ешь на здоровье.

Чего-чего, а есть Иван умел. И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковником. Так что бутерброды он уничтожил быстренько.

– Наелся?

– Ни капельки. Придется домой идти.

– Сначала выучишь уроки.

– Не могу.

– Можешь.

Иван почувствовал, что сердце его замирает от страха, он проговорил громко и отчаянно:

– Не могу!

Аделаида крикнула:

– Можешь!

И – трах! – кулаком по столу.

Понимал Иван, что если сейчас отступит, то потом будет еще труднее. И, закрыв от страха глаза, он крикнул:

– Не желаю!

Тишина.

Иван открыл глаз и у самого носа увидел большущий кулак.

– Последний раз предупреждаю, – сквозь зубы произнесла Аделаида, – если ты сейчас же не станешь учить уроки, я за себя не отвечаю. Так стукну, что живым отсюда не уйдешь!

– Ой-ой! – вскрикнул Иван и дернулся всем телом. – Ох! Ох! – И снова дернулся, еще сильнее. – Ух! Ух! – И объяснил: – Началось. Сейчас меня часа три дергать будет. Ох! Ох!

– Бух! – крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенный удар по шее.

Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стекла в окне. Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».

– Ну как? – спросила Аделаида. – Живой?

– Живой-то живой, – ответил Иван, – но голова совершенно не работает. Что-то в ней треснуло.

– Склеим потом. Вставай.

– Не могу.

Взяла его Аделаида за шиворот, подняла, спросила:

– Еще стукнуть?

Иван подумал и ответил:

– По-моему, не надо.

– Я тоже так считаю. Садись. Давай тетради, учебники, ручку. Что по арифметике задали?

– Вот этого я не помню

– Зато я помню. Упражнение сорок третье. Приготовились.

«И откуда ты свалилась на мою голову? – с тоской подумал Иван. – Хоть бы ты заболела, что ли! А если Егорушкину на нее пожаловаться? Так, мол, и так, товарищ милиционер, избили. В голове трещина. Судить таких надо!»

– Ты же совсем не слушаешь! – рассердилась Аделаида. – А ну, слушай!

«Слушаю, слушаю, – насмешливо думал Иван. – Вот вызовут тебя в милицию, послушаешь». А вслух сказал:

– Не забыть бы мне сегодня в милицию зайти. Акт составить. Об избиении. Отвечать тебе придется.

– За что?

– Так ведь... покалечила.

– Ваня! – сказала Аделаида. – Хватит! Ведь перед всем классом договорились, что жаловаться ты не будешь.

– А я и не жаловаться. Чего мне жаловаться? Просто милиция должна о всех хулиганах знать.

– Вань! Встань! – скомандовала Аделаида.

Иван тяжело поднялся, сказал:

– Интересно все-таки получается. Чуть-чуть человеку голову не расколола, да еще командует!

– Вот что, – она положила ему на плечо свою тяжелую руку. – Хватит. Мальчик ты не глупый. Выдумывать умеешь здорово. Ну чего ты? Скоро кончишь дурака валять?

– Скоро.

– А то ведь всем надоест с тобой нянчиться. Понял?

– Понял.

– Тебе хоть немного стыдно?

– Стыдно.

– Немного, средне или очень?

– Очень.

– Больше не будешь?

– Не буду! Не буду! Не буду! – крикнул Иван, расхохотался, бросился к окну и – прыг!

Погоня. Снова на краю гибели

Оглядываясь через плечо, Иван видел, что Аделаида бежит за ним ровно, словно не торопясь.

– Куда? Куда? – спросил его сидевший на окне Колька.

И хотя Иван не ответил, Колька спрыгнул с окошка и помчался следом, на ходу спрашивая:

– А куда? А зачем?

Иван молчал: ему было трудно дышать. Скоро к ним присоединился Паша.

– Куда? – спросил он, пристраиваясь за Колькой.

– Зачем?

– Понятия не имею, – ответил Колька.

– Вы куда? – спросил Алик и, не дожидаясь ответа, бросился следом.

Улица кончилась, и они выбежали в поле. Иван обливался потом.

– Не могу больше! – крикнул Алик и остановился.

– Я тоже! – крикнул Паша и тоже остановился.

– Хватит тебе! – крикнул Колька и остановился.

– Отдохни!

Тут Иван споткнулся и плашмя упал в пыль на дорогу. Упал и не встал. Лежал, вытянув руки и ноги, и не шевелился. Ему было все равно. Пусть грузовик его давит, пусть лошадь с телегой через него переезжает!

И даже когда подошла Аделаида, он не пошевелился.

– Вставай, – сказала она, – хватит лежать. Полежал и хватит. Ну?

– Не нукай, – ответил Иван. – Видишь, я еле живой. Ноги совершенно отнялись.

– А если машина?

– Пусть.

– Подождем, – сказала Аделаида и села в сторонке.

Подошли ребята и тоже сели.

– Долго лежать будешь? – спросил Паша.

– Сколько надо, столько и буду, – ответил Иван и вздрогнул: впереди по дороге пылила машина.

– Пер-едет тебя! – крикнул Алик.

– Задавит! – крикнул Паша.

– Лепешка из тебя получится! – крикнул Колька.

Иван закусил губы, чтобы зубы не стучали от страха, но не двигался.

– Машине его не объехать, – спокойно сказала Аделаида, – по обеим сторонам канавы.

– Да что нам с ним делать?! – закричал Паша.

Они с Колькой бросились к Ивану, схватили его за ноги и уволокли с дороги в канаву.

Машина промчалась мимо.

– Ты что, сумасшедший? – спросил Колька. – Не соображаешь?

– Не сумасшедший он, – сказала Аделаида, – а лодырь, каких свет не видал. Лодырь из лодырей. Готов в пыли валяться, только бы уроки не учить. Но учти, – повысила она голос, – я заставлю тебя учить уроки.

– Как бы не так, – ответил из канавы Иван. – А я виноват, что я лодырь? Такой уж я родился.

– Вруша ты. Все выдумываешь, выдумываешь. А вот кем ты вырастешь?

– Кем захочу, тем и вырасту, – Иван тяжело вздохнул. – Я, между прочим, и без тебя отличником могу быть. Если захочу.

– Я не понимаю, – сказал Колька, – ты собираешься вставать или нет? Или мы тут до утра сидеть будем?

– А мне-то что? – Иван вылез из канавы и сел. – Я лично могу хоть до утра.

– Нет, – глухо проговорила Аделаида. – Сейчас мы пойдем готовить уроки.

У Ивана внутри все похолодело.

Он вскочил.

– Чего тебе от меня надо? – заикаясь от возмущения, спросил он. – Чего ты ко мне пристала? Чего ты надо мной издеваешься? Чего ты меня бьешь? В милицию захотела?

– Напрасно ты кипятишься, – спокойно ответила Аделаида. – Я вовсе не собиралась тебя бить. Ты сам виноват.

– Я?! Сам?! Виноват?! – поразился Иван. – В чем же это я виноват – интересно мне знать! Я просил тебя сваливаться на мою голову?

– Меня просила Анна Антоновна и весь ваш класс.

– Но я-то не просил!

– А что с тобой делать? – закричал Паша, вскакивая. – Ведь ты можешь и на третий год во втором классе остаться. Это же позор! Это же безобразие!

– Идем готовить уроки, – твердо произнесла Аделаида.

– А ты его бить будешь? – шепотом спросил Алик.

– Постараюсь не бить, – ответила Аделаида. – Чего мне с ним драться? Слабенький он.

– Слабенький?! Я?! – У Ивана от возмущения кулаки сжались сами собой. – Да ты понимаешь, что ты говоришь?!

– Не кричи, – сказала Аделаида, – успокойся. Тебя по-хорошему просят: идем учить уроки. И через час ты свободен.

Иван молчал.

Коварный замысел Ивана

– Ладно! – Иван махнул рукой и весело сказал: – Идем!

Пошли.

Впереди скакал неожиданно повеселевший Иван, с него летела пыль.

За ним, как милиционер за жуликом, готовая в любой момент схватить его, шагала мрачная Аделаида.

На некотором от нее расстоянии дружной стайкой семенили ребята.

«СБЕГУ!

СБЕГУ!

СБЕГУ! – думал Иван. —

Не дам над собой издеваться. – Нашлась какая! Крокодиловская ты доченька – вот ты кто!»

– Только не вздумай сбежать, – сказала Аделаида. – Все равно поймаю.

До самой школы никто больше не сказал ни слова. Остановились у подъезда. Лица у ребят были испуганными.

– А вдруг он опять? – спросил Алик. Аделаида пожала плечами, но золотой зуб ее сверкнул, как прожектор.

– Ваня, – позвал Алик, – ты это... ну... пер-терпи... не надо.

– Конечно, не надо, – добавил Паша.

– Уговариваете? – рассердился Колька. – Как маленького? Деточка, выучи уроки? Конфеточку дам? Баю-бай, баю-бай. Ваню маленького бай!

И тут случилось неожиданное: Иван промолчал. Он даже не взглянул на Кольку. Он обдумывал коварный план избавления от Аделаиды.

– Ты не сердись, – пробормотал растерявшийся Колька. – Иди ты, выучи ты эти уроки.

– Ладно! – весело ответил Иван, подмигнул ребятам и стал подниматься по ступенькам.

Следом двинулась Аделаида.

– Пер-дерутся, – прошептал Алик.

Иван вступает в драку

Они вошли в класс.

– Садись, – сказала Аделаида, – очень прошу тебя: садись.

Иван, ухмыляясь во весь рот, сел, собрал учебники и тетради, сложил их в портфель.

– Ты что? – Аделаида шагнула к нему, но Иван выскочил из-за парты и бросился к окну. – Опять?!

– О-опять! – крикнул Иван. – Очень тебя прошу: отстань. Хуже будет.

– Даю тебе честное пионерское, – громко проговорила Аделаида, – что я от тебя не отстану. Ни за что. Я обязана помочь тебе.

– Обязана, обязана, – передразнил Иван. – Зато я не обязан. – Привет, привет – и наших нет!

И – прыг в окно!

Тут же за ним выпрыгнула и Аделаида. С трудом устояв на ногах, она схватила Ивана за руку.

Сколько он ни пытался вырвать руку – не мог.

Ребята хохотали во все горло.

Тогда Иван совершил, пожалуй, самый ужасный поступок за свою многотрудную жизнь. Не зная, как вырваться, он укусил Аделаиду в руку.

Аделаида вскрикнула, но руки не выпустила. Тогда Иван цапнул ее во второй раз и посильнее. Затем он бросился головой вперед, чтобы боднуть Аделаиду в плечо.

А она выпустила его руку и отскочила в сторону.

Иван полетел вверх тормашками.

– Наших бьют! – крикнул Колька, но не двинулся с места.

Бедный Иван лежал на земле лицом вниз. От обиды и бессильной злости ему хотелось расплакаться.

– Предлагаю мир, – сказала Аделаида, – идем учить уроки.

«Притворюсь мертвым, – решил Иван, – пусть попрыгают. Сто раз пожалеют, что издевались над хорошим человеком. Главное, чтоб крокодилова дочь от меня отвязалась. С остальными я справлюсь. Почему же они молчат?»

Медленно повернув голову, Иван посмотрел через плечо – никого вокруг не было.

Аделаиды не было.

Ребят не было.

Обиделся Иван. Друзья называются! Бросили человека лежать на земле. А потом еще удивляются, почему он часто болеет.

– Ура-а-а! – вдруг крикнул Иван, сел, встал на голову, поболтал в воздухе ногами и вскочил. Ведь если они ушли, то, значит, сдалась крокодиловская доченька, отстала! Значит, победил гвардии рядовой Иван Семёнов!

– Домой шагом марш! – скомандовал он сам себе, подпрыгнул, гоготнул и зашагал.

Первая неожиданность

– А тебя ждут, – такими словами встретила его дома бабушка.

Иван заглянул в комнату и чуть в обморок не упал: за столом сидела Аделаида.

– Проходи, – сказала она, – не стесняйся. Будь как дома.

– Проголодался, бедненький? – спросила бабушка. – Сейчас я тебя кормить буду.

– Ты зачем пришла? – прошептал Иван. – Чего тебе надо?

– Если ты не будешь учить уроки, – ответила Аделаида, – я все расскажу твоим родителям. И про буксир, и про это, – она показала руку, на которой было два красных пятнышка.

– Рассказывай сколько хочешь, – Иван неестественно рассмеялся. – Я им тоже про тебя расскажу. И про то, как ты мне голову чуть не расколола, и про все.

– Договорились.

Бабушка кормила Ивана вкусно и долго. Он столько съел, что еле дышал.

– Ты бы, девочка, шла погуляла, – сказала бабушка, – а Ванечке отдохнуть надо. Полежать. Он у нас слабенький здоровьем.

– Уроки ему учить надо, а не отдыхать.

– Выучит, выучит, успеет. Самое главное – здоровье. Об нем надо заботиться. Иди, иди, девочка.

– Погуляй, – ухмыляясь, добавил Иван, – подыши свежим воздухом.

– Хорошо, – Аделаида встала, – я пойду дышать свежим воздухом. А через час вернусь. Будешь делать уроки.

– Вот и правильно, – согласилась бабушка, – часа через два. А лучше – через два с половиной. Главное – вовремя поспать.

Ох и хохотал Иван, когда Аделаида ушла. Молодец, бабушка – не дает внука в обиду.

Вторая неожиданность

Но почему-то не спалось, и настроение было очень неважное. Иван подошел к окну и увидел...

Аделаиду!

Она сидела на скамейке. Ивана она не видела, и он погрозил ей кулаком, показал язык и снова лег.

Если она будет тут сидеть, то ему незамеченным из дома не выйти. Что же придумать?

И хотя Иван считал себя невезучим человеком, на самом деле ему довольно часто везло.

Читайте, что было дальше, и вы убедитесь в этом. В дверь заглянула бабушка, позвала:

– Ванечка! Не спишь? Тут тебя дядечка какой-то спрашивает. Говорит, что ты сообразительный.

Иван вышел в коридор.

– Не узнаешь меня? – спросил его высокий дяденька и снял шляпу. – Не помнишь?

– Узнал! Помню! – радостно ответил Иван. – Это я у вас. – И прикусил язык. – Вы артист, который шпионов играет.

– Правильно, – дяденька улыбнулся. – Ты ни разу не выступал по телевидению?

– Нет. А что? – у Ивана дух захватило.

– Понимаешь, через два часа передача, – ответил дяденька, внимательно разглядывая Ивана, – а мальчик, который в ней участвует, неожиданно заболел – охрип. Мне только что позвонили из студии и попросили кого-нибудь подыскать для выступления. И я вспомнил о тебе. По-моему, мальчик ты сообразительный, находчивый. Думаю, что у тебя получится.

– Конечно, получится, – сказала бабушка. – Он у нас артист. Кого хочешь передразнит.

– Ты ведь во втором классе? – спросил дяденька. – Но это неважно. Ростом ты за четвероклассника сойдешь. Так поехали репетировать?

– Поехали, поехали! – радостно воскликнула бабушка. – Сейчас я ему новую рубашку дам, чтоб он красивым был.

И представьте себе такую картину: у подъезда стоит голубая «Волга». Дяденька артист распахивает дверцу, Иван садится на переднее сиденье рядом с шофером и говорит подбежавшей Аделаиде:

– Еду выступить по телевидению! Привет!

И машина отъезжает.

Третья неожиданность

Если вас когда-нибудь пригласят выступить по телевидению, не вздумайте одеваться тепло.

Жара в студии страшная!

На вас направляют лампы, много ламп, от которых идет свет и жар. Дышать нечем. Такое впечатление, словно вас накрыли горячей сковородкой.

Иван репетировал с Антоном Сергеевичем (так звали актера) целый час.

Интересно до чего!

Антон Сергеевич играл роль учителя, а Иван – роль ученика. Он быстро выучил текст наизусть и произносил его без запинки.

И вот началась передача.

Сидит Иван за столом с Антоном Сергеевичем, а на них направлены пушки – телевизионные камеры.

– Многие ребята, – говорит Иван, – считают, что учиться можно не то чтобы плохо, а так – средне. Они считают, что можно и без учебы стать, например, летчиком. Эти ребята ошибаются. Первый долг школьника – отличная учеба.

Все вокруг улыбаются, кивают, – дескать, молодец гвардии рядовой Иван Семёнов!

И он тоже улыбается: дескать, сам знаю, что молодец, да не просто молодец, а замечательный молодец.

Но вдруг у него в горле словно сухой комок образовался – мешает говорить.

Испугался тут Иван. Стал глазами по сторонам водить, будто спрашивал у всех, кто перед ним и вокруг него был: что это такое со мной творится?

И начал он спотыкаться чуть ли не на каждом слове:

– Все мы... мы... мечтаем о подвигах... Всем нам... нам всем хочется стать героями. Но кое-кто... то есть кто-кое... нет, кое-кто... из нас...

– Кое-кто из ребят считает, что героем можно стать случайно? – спросил Антон Сергеевич, чтобы выручить Ивана. – А кто, по-твоему, может совершить подвиг?

– То, кто... кто тот... ну... у кого есть воля силы...

– Сила воли? – переспросил Антон Сергеевич.

– Да. И еще... кто умеет бороться с этими... ну...

– Трудностями?

– Да, – унылым тоном ответил Иван.

– А лодырь может героем стать?

Иван отрицательно покачал головой.

Очень он расстроился, хотя все его поздравляли, хвалили, утешали и нисколько не ругали, что в конце передачи он растерялся и забыл текст.

Опять он сидел в голубой «Волге» на переднем сиденье рядом с шофером.

Но было ему грустно.

И еще он чувствовал себя виноватым.

Скажут ребята:

– Лодырь, двоечник, а за кого себя выдавал? Напирать ему, чтоб знал!

Иван вышел из машины, боязливо оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог его подкараулить.

И юркнул в подъезд.

Неприятный разговор

Дверь открыла бабушка, звонко чмокнула внука в обе щеки, и сказала:

– Молодец ты мой ненаглядный! Настоящий артист!

– Иди-ка, артист, сюда, – позвал отец.

Иван тяжело вздохнул, прошел в комнату.

– Может, он сначала поест все-таки? – обиженно спросила бабушка. – Устал ведь он, намучился.

– Поест он всегда успеет, – ответил отец. – Садись, сын, потолкуем. Ну как? Доволен?

– Нет, – буркнул Иван.

– Почему? Ведь вся область тебя видела и слышала. Вот, думали все, вот это парень! Не только сам хорошо учится, но и других по телевидению учит!

Кстати, отец Ивана учился хорошо – в вечернем техникуме, а днем работал (тоже хорошо) на машиностроительном заводе токарем.

И мама Ивана тоже училась – в библиотечном техникуме, и тоже вечером, а днем работала в библиотеке.

– Все учатся, – сказала однажды бабушка, – я только неученая. Но ничего – тоже вот на курсы какие-нибудь поступлю.

И поступила – на курсы кройки и шитья.

Хуже всех в семье учился Иван.

– Маленький еще, – объясняла бабушка, – подрастет, поумнеет и начнет учиться.

Вот и сегодня отец отчитывал Ивана, а бабушка стояла в коридоре и громко вздыхала.

«Замучают они ведь так несчастного ребенка, – думала она, – искалечат. И ничем ведь на них не угодишь! Только одно и знают – воспитывать да перевоспитывать! А ребенка жалеть надо, кормить его надо!»

– Когда в следующий раз выступать будешь? – спросил отец.

– Не буду я больше, – пробормотал Иван, – не имею права.

– Теперь можешь есть. Заслужил.

Бабушка кормила внука вкусно и долго.

Бабушка на посту

Иван сидел на окне и со страхом ждал прихода Аделаиды: ведь она обещала поговорить с его родителями и обо всем им рассказать.

А это значит, что опять начнутся разговоры-переговоры, и никому в голову не придет, что человека не воспитывать, а жалеть надо. Трудно ведь жить человеку, почти невозможно! А его, видите ли, еще и на буксир.

Но если вы решили, что Иван растерялся и не знал, что делать, то ошибаетесь. Ему в голову пришла замечательная мысль...

Он бегом к бабушке и пожаловался ей.

– Буксир? – возмутилась бабушка. – Я ей покажу буксир! Иди, внучек мой ненаглядный, спокойно отдыхай. А если она сюда заявится, я ей... кое-что скажу. Иди, иди, родименький, отдыхай.

То, что бабушка называла отдыхом, а ребята называли бегать, на самом деле было тяжелой работой. После такого отдыха домой ребята возвращались высунув языки. Рукой пошевелить не могли.

Однако на этот раз Иван не бегал. Он все время поглядывал, не появилась ли во дворе Аделаида. То и дело приходили ребята из других домов и расспрашивали его о выступлении по телевидению.

Как Ивану хотелось похвастаться и приврать! Рты бы разинули от зависти и удивления! Ахнули бы!

Но, кажется, впервые в жизни Иван не врал, и ребята уходили немного разочарованными.

«Все люди как люди живут, – горестно размышлял Иван, – один я несчастный. Заболеть бы, что ли, по-настоящему! Чтоб ни руки, ни ноги не двигались. Нет, чтоб одна рука работала бы – есть-то все равно надо. Лежал бы себе, как суслик раненый, и радио бы целыми днями слушал. Благодать!»

На крыльце с вязаньем в руках сидела бабушка. Иван знал, что, если бы даже сам директор школы захотел сейчас пожаловаться на него родителям, бабушка бы его не пустила. Больше всего на свете она любила внука и за него была готова идти в бой.

И когда во дворе появилась Аделаида, Иван нисколько не испугался, спрятался за поленницу и издали наблюдал.

Бабушка встала. Вид у нее был воинственный.

«Сейчас она тебе! – торжествующе подумал Иван. – Крокодиловская ты дочь!»

Но что произошло дальше, этого никто не ожидал – ни Иван, ни бабушка.

Глава 6, в которой бабушка неожиданно становится одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает героический поступок

Аделаида выясняет обстановку

- Добрый вечер, – сказала Аделаида и улыбнулась.
- Добрый вечер, – сквозь зубы проговорила бабушка, – не знаю, как тебя звать-величать.
- Меня зовут Аделаидой.
- Бывает.
- Помолчали, внимательно разглядывая друг друга.
- А где ваш внук? Бегает?
- Не твое дело.
- Опять помолчали, внимательно разглядывая друг друга, словно собираясь бороться.
- А уроки он сделал? – спросила Аделаида.
- А ты кто такая? – спросила бабушка. – Чего тебе тут надо? Зачем пришла? Думаешь, он без тебя с учебой не справится? Я у него буксир, а не ты. Видела, как он по телевизору выступал?
- Видела! Видела! – радостно воскликнула Аделаида. – Замечательно выступил!
- Как настоящий артист, – бабушка посмотрела на нее с подозрением. – Просто удивительно.
- Ничего удивительного нет, – осторожно возразила Аделаида, – ведь он очень способный. У него только один недостаток...
- Нет у него недостатков! – грозно перебила бабушка.
- Один маленький недостаток.
- Нет.
- Малюсенький недостаточек. Совсем малюсенький.
- Может быть, – нахмурившись, согласилась бабушка, – поспать он любит.
- Не в этом беда. Пусть себе спит сколько ему угодно. Плохо то, что очень уж он добрый.
- Это как понимать? – насторожилась бабушка.
- А вот мы решили помочь ему учиться, – стала объяснять Аделаида. – Другой бы на его месте сразу бы согласился: помогайте, пожалуйста, тратьте на меня силы и время! Правда? А он не такой. Ему неудобно беспокоить людей. Он добрый. Вот он от меня и бегает.
- Золотце ты мое! – бабушка всплеснула руками. – Ненаглядная ты моя! Идем, я тебя, милая, вареньем накормлю. Оно у меня восьми сортов: клубничное, земляничное, малиновое, брусника с яблоками, крыжовник...
- Бабушка и Аделаида скрылись в подъезде.
- «Что делать? – испуганно подумал Иван. – Враг проник в мой дом. Что делать?»
- В голове проносилось решение за решением.
- А если убежать в другой город?
- Поступить на работу, стать в вечерней школе отличником, потом – знаменитым человеком?
- «Пусть без меня живут, – думал Иван, – пусть скучают, пусть слезки льют».
- Он так живо представил себе эту грустную картину, что сам чуть не разревелся.

«Нет, нельзя уезжать, – решил он, – жалко всех. Да и поймают. Сядет Егорушкин на свой мотоцикл и догонит».

Иван пошел домой.

На кухне бабушка и Аделаида пили чай. Весь стол был уставлен банками с вареньем.

– А мы уже по третьему стаканчику! – весело сообщила бабушка. – Налить тебе?

Сидел Иван без всякого удовольствия, пил чай стакан за стаканом, ждал, когда Аделаида заговорит о буксире и прочем, ерзал на табуретке.

А они разговаривали о варенье.

«Нарочно это она! – думал Иван. – Любит людей мучить. Но я сбегу! Пусть только заикнется!»

Допили чай, унесли в кладовку банки.

– Можно ему проводить меня? – спросила Аделаида.

– Конечно, конечно, – согласилась бабушка. – Он у меня такой вежливый, такой вежливый! Иди, иди, Ванечка... Иди, иди, миленький...

УО

Иван был согласен на любой позор, даже на то, чтобы его дразнили женихом, лишь бы увести Аделаиду из дома.

Они вышли на улицу. Бабушка долго махала им вслед рукой. Аделаида оборачивалась и махала ей в ответ.

– Хорошая у тебя бабушка, – сказала она, – только балует тебя очень.

– Зачем приходила?

– Выяснить обстановку.

– Какую обстановку?

– Узнать, в каких условиях ты живешь, – объяснила Аделаида, – как тебя воспитывают.

– Ну, и что выяснила?

– Все. Теперь я знаю, что ты бабушкин сынок. Нянится она с тобой. Придется тебе ее с собой в армию брать. Ты ведь даже просыпаться сам не умеешь.

– Врешь! – неуверенным голосом крикнул Иван.

– Не вру. Это я бабушке немного наврала. Из-за тебя. По телевизору ты выступил ужасно. Я краснела. Стыдно было! Очень стыдно.

– Без тебя знаю, – буркнул Иван. Краешком глаза поглядывал по сторонам: не видит ли кто-нибудь из ребят, что он гуляет с девочкой?

– В результате, – продолжала она, – я сделала важное открытие. Я поняла, что ты, может быть, УО.

– УО? – переспросил Иван. – А что это такое?

– УО – значит умственно отсталый.

– Чего, чего? – почти крикнул Иван.

– Ты умственно отсталый ребенок. Тебя надо перевести в специальную школу.

Иван остановился, вытаращив глаза, и долго с его губ срывались не слова, а какие-то непонятные звуки. Еле-еле овладев собой, он спросил:

– В специальную школу?

– Конечно, – спокойно отозвалась Аделаида. – Тебе же будет лучше. Все будет в порядке. Ведь почему с тобой мучаются? Потому что считают тебя нормальным. А ты УО. Умственно отсталый.

– Неправда! – жалобно крикнул Иван. – Я умный. Я умственно умный.

– Не кричи. Подумай обо всем спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или я завтра сообщаю всем, что ты УО. До свидания.

И ушла.

Очень грустное занятие

– Крокодиловская ты дочь! – вслед ей прошептал Иван. – В зоопарк тебя посадить надо! В клетку! За решетку! Тухлой капустой тебя кормить надо!

Аделаида обернулась и помахала ему рукой.

– Сама ты УО, – шептал Иван, – это тебя в крокодильскую школу посадить надо!

Долго он стоял на одном месте.

Было ему до того грустно, что хоть плачь. Он даже кулаками помахал немного.

И побрел домой, опустив большую голову.

Кажется, впервые он призадумался над своей жизнью. А когда ты совершил немало проступков, занятие это – думать о своей жизни – очень грустное.

Вместо того, чтобы по привычке всех ругать, а себя жалеть, он прошептал:

– Бабушкин сынок... УО... умственно отсталый... специальная школа... А почему? Потому что не люблю учиться? Ну и что? Если я таким родился? Вот если бы я не мог учиться, тогда другое дело. А я могу, но не люблю. Ведь мне ничего не стоит быть отличником. Стоит только захотеть.

Эх, обидно-то как! Дураком бы обозвала, лодырем, двоечником, балбесом, еще как-нибудь, а то – УО, умственно отсталый.

Эти слова звенели у него в ушах. Он даже головой потряс, чтобы они вылетели, – не помогло.

Очень грустное это занятие – думать о своей жизни.

Дома Иван сел на кухне и молчал.

– Что с тобой? – обеспокоенно спрашивала бабушка. – Заболел? Намыкался? Ложись-ка спать, ненаглядненький ты мой.

А Иван представил себе, что придет он завтра в школу, уроки опять не приготовлены, опять его ругать будут, явится Аделаида, крикнет своим крокодильским голосом:

– УО!

Соберется общешкольная линейка, и все хором крикнут:

– УО! УО! УО!

Анна Антоновна скомандует:

– Семёнов, в специальную школу вон отсюда! Собирай книги.

А у подъезда стоит машина «Скорая помощь». Посадят в нее Ивана и увезут...

– Я, бабушка, уроки делать буду, – почти со слезами прошептал Иван. – Пожалей меня, бабушка!

– Жалею, золотце ты мое, жалею! Была бы моя воля, я бы вовсе уроки запретила в младших классах. Пусть старшие мучаются. Хочешь курочки?

– Нет, – со вздохом отказался Иван. – Буду уроки учить. Потом уж поем. – «Если, конечно, жив останусь», – мысленно добавил он.

Ну что ж... Сел Иван, достал из портфеля тетрадки, учебники, ручку.

Вздыхнул.

Притопала лень-матушка, зашептала на ухо:

«Устал ведь ты, миленький. Приляг, отдохни. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Ладно, – ответил ей Иван, – лягу. С удовольствием. А завтра? Опять все сначала? Да еще в специальную школу отправят? Нетушки! Совершу-ка я сегодня героический поступок – сделаю-ка я уроки!»

И лень-матушка обратно утопала.

Героический поступок

Иван трудился, высунув язык; исписал половину страницы – ни одной ошибки не сделал, не поставил ни одной кляксы.

И только хотел крикнуть «ура», как...

...с носа упала капелька пота.

Упала прямо в центр буквы «О». Хорошо, что Иван не поленился и написал ее вроде колеса – большую и круглую.

Иван осторожно поднес к ней кончик промокашки, и промокашка выпила каплю.

«Я тебе покажу, какой я умственно отсталый! – подумал Иван, вспомнив Аделаиду. – Как бы тебя в специальную школу не отправили!»

Разделавшись с упражнением по русскому языку, он принялся за арифметику.

Тут у него начался с цифрами самый настоящий бой.

Цифры прыгали у Ивана перед глазами, как лягушки. Не было никакой возможности отличить их друг от друга.

Тогда он представил, что цифры – его враги, и стал внимательно их выслеживать.

«Понятно, понятно, – решил он, глядя на ненавистные цифры, – вы тоже считаете, что я умственно отсталый. Сейчас разберемся».

И поднатужился – и решил первый пример.

Еще поднатужился, крякнул пять раз – и еще решил один пример.

Ручку кусал, пыхтел от злости, один раз даже порычал Иван, но трудился.

Все было против него.

Особенно – чернила. Они так и старались собраться на кончике пера в каплю – хлоп на тетрадный лист, и – брызги в разные стороны!

Однако Иван следил за этим так внимательно, что ухитрился одну каплю схватить в воздухе левой рукой.

Вот тут-то упрямство впервые помогло ему.

И вдруг несчастье!

Глупая муха залезла в чернильницу. Иван проткнул муху пером, не заметил и написал мухой цифру «3». Представляете, что получилось?!

Чуть не заревел Иван! Трахнул муху кулаком – брызги во все стороны.

«Не обращай внимания на умственно отсталых мух, – прошептала ему на ухо лень-матушка, – иди спать». «Вырви страницу, – прошептало упрямство, – и все перепиши заново».

«Устал ведь я, – жалобно ответил Иван, – сил моих больше нету ведь!»

«Правильно, правильно, – прошептала лень-матушка, – иди бай-бай. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Неужели ты сдашься из-за какой-то дохлой мухи?!» – удивилось упрямство.

Иван осторожно вырвал забрызганный лист и начал переписывать примеры.

До того он увлекся, что не слышал, как подошла бабушка, стояла рядом и громко вздыхала – будто внуку уколы делали!

Бабушка взбунтовалась

Утром Ивана будила бабушка.

А сегодня он проснулся сам. Честное слово! Сам открыл глаза, сам потянулся, сам зевнул и сам сел.

Настроение у него было замечательное, будто ему не в школу надо было отправляться, а на новогоднюю елку.

Раз! – встал на голову, подрыгал в воздухе ногами и грохнулся с кровати на пол – словно самая большая кастрюля упала с самой верхней полки.

Лежал на полу и хохотал.

Лежал, пока не замерз.

Пошел Иван на кухню, включил электрическую плитку, поставил на нее чайник, быстро умылся, принес из кладовки варенье и решил разбудить бабушку.

Открыв глаза и увидев внука, она испуганно вскрикнула. Если бы она верила в Бога, то перекрестилась бы!

– Это ты?! – еле выговорила она.

– Я. А что?

– Да как же... кто тебя разбудил?

– Никто. Сам.

– Сам?!

– А что особенного? – обиделся Иван. – Что в этом особенного?

Бабушка не ответила.

Потом она вышла на кухню, всплеснула руками и в ужасе спросила:

– И чайник сам поставил?! И варенье сам принес?! – Она села, бессильно опустив руки, словно убитая большим горем. – Да что же это такое происходит?! Совсем от рук отбился. Против бабушки пошел. Получается, что я тебе не нужна? Не выйдет! – она стукнула кулаком по столу. – Бабушка я тебе или не бабушка?

– Бабушка, – ответил ошеломленный Иван. – Ну конечно же бабушка.

– Обязан ты меня слушаться или нет?

– Обязан.

– Так вот, – бабушка встала и грозно посмотрела на него. – Я должна просыпаться и будить тебя, а не ты меня. Я должна завтрак готовить, а не ты. Понятно? Я здесь командир.

– Кем же ты командуешь? – удивился Иван.

– Всей семьей.

– А кто же тебя слушается?

– А вся семья.

– Бабушка! – воскликнул Иван. – Но ведь я-то тебя не слушаюсь!

– Как – не слушаешься? – удивилась бабушка,

– Да так. Я потому и люблю тебя, что тебя можно не слушаться.

– А не врешь?

– Нисколечко. Ты меня слушаешься, а не я тебя. Поэтому мы и живем дружно.

– Ну и пусть, – помолчав, сказала бабушка. – Не важно, кто кем командует, важно, что дружба есть. Но дружбе нашей скоро придет конец, если ты будешь вести себя как сегодня. Нехорошо, Ваня, стыдно!

Иван взбунтовался

– Почему стыдно? – спросил Иван. – Что я такого сделал?

– Как – что?! – вспылила бабушка. – Да я же тебе объяснила. Не имеешь ты права выполнять мои обязанности! Бабушка я тебе или не бабушка?

– А я внук тебе или не внук?

– Ты внук. А я бабушка. И не лезь в мои дела. Будь любезен спать до тех пор, пока я тебя не разбужу. И не самоуправствуй, пожалуйста.

– А если я сам проснусь?

– Не имеешь права!

– А если проснулся?

– Все равно спи. Или просто лежи, пока я не приду. Если ты сам просыпаться будешь, зачем я тогда нужна? Если ты сам завтрак готовить будешь, мне что делать?

– Отдыхать.

– Отдыхать?! – возмутилась бабушка. – За кого ты меня, дорогой внук, принимаешь? Чтобы я да на старости лет бездельничала?

– А ты меня за кого принимаешь? – возмутился Иван. – Чтобы я да на молодости лет тунеядничал?! Ты знаешь, как интересно самому просыпаться? Замечательно! Ты что, собираешься со мной в армию идти? И там меня станешь будить? А? Может, по-твоему, каждый солдат со своей бабушкой в армию придет?

Тут бабушка горько расплакалась.

– Ни в какую я армию не собираюсь, – сквозь слезы сказала она. – Но учти: пользы от нас в армии было бы очень даже много!

А Иван расхохотался.

– Бабушки! – скомандовал он. – По порядку номеров рассчитайтесь. Бабушки, вперед шагом марш! Песню!.. Да ты хоть одну строевую песню знаешь?

– Знать не знаю и знать не желаю! – отрезала бабушка. – А только в армии без меня ты пропадешь! Ты ведь даже ботинки зашнуровывать толком не умеешь.

– А в армии сапоги носят! У них шнуровки нет.

– Пожалеешь, – бабушка снова горько расплакалась. – Я ли тебя не любила! Я ли за тобой не ухаживала! Я ли тебя не баловала! А ты?

– Эх ты, рева, – сказал Иван ласково, – а еще в армию собираешься.

– Я не рева, – сквозь слезы ответила бабушка, – просто я тебя люблю, а ты меня нет.

– И я тебя люблю. Только с тобой не согласен.

– Когда любят, соглашаются!

– Не могу я с тобой согласиться, – твердо сказал Иван. – Ты что, хочешь, чтобы меня бабушкиным сыном дразнили, да?

– Хочу! – горячо призналась бабушка. – Очень!

– Значит, тебе меня несколько не жалко.

– А ты меня жалеешь? Ты меня и за бабушку не считаешь.

– Считаю. Ты замечательная бабушка. Только есть у тебя один недостаток.

– Нет у меня недостатков!

Иван чмокнул ее в щеку, шепнул:

– Один, маленький.

– Может быть, – подумав, нерешительно согласилась бабушка, – но я не знаю, какой. Не замечала.

– Ты не даешь мне нормально жить.

– Я?!

– Ты, бабушка. Только ты не сердись и не плачь. Держи себя в руках. Надо мне просыпаться самому.

– А давай по очереди? – обрадованно предложила бабушка. – Один раз я тебя разбужу, а один раз ты меня – может, сам проснешься?

– Нет, – отказался Иван. – Не хочу я быть умственно отсталым.

– Не понимаю, – испуганно прошептала бабушка, – кто от кого отстал?

– А я понимаю. Если бы я вчера не выучил уроки, то сегодня меня бы как миленького в специальную школу отправили.

– Вот! – радостно воскликнула бабушка. – Вот что значит – просыпаться самому! Соображать плохо стал! Еще будешь с бабушкой спорить?

– Буду, – тихо, но решительно ответил Иван. – Приходится. Я еще, может быть, отличником сделаюсь. Ненадолго, конечно. Чтобы всем доказать, что я не умственно отсталый.

– А зачем это тебе, миленький? – ласково спросила бабушка. – Для меня-то ты всегда самый умный! Вот подрастешь, сил наберешься, тогда и станешь отличником. Сейчас-то зачем тебе надсажаться? Вспомни-ка, до чего мы с тобой замечательно жили!

– Жили-то мы с тобой замечательно, – согласился Иван. – Но, может быть, как раз из-за этого я и чуть-чуть в УО не превратился. Чуть-чуть в специальную школу не попал. На радость дочке крокодильской. Она у меня еще попляшет! Сто пятьдесят пять с половиной раз пожалеет, что издевалась над гвардии рядовым Иваном Семёновым! Назло ей отличником стану! Да еще и круглым! Сам просыпаться буду! – со слезами в голосе крикнул Иван. – Сам одеваться буду!

Бабушка легла на кровать и сказала:

– Спасибо. Можешь вызывать «Скорую помощь».

Глава 7, в которой бабушка снова пытается быть одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает несколько выдающихся поступков

Иван делает важное открытие

Вызывать «Скорую помощь» не пришлось. Дали бабушке валерьянки, уложили в постель.

Сказала бабушка:

– Никому я, значит, не нужна. Пустое я, значит, место. Или вроде старой сковородки.

Выбрасывайте.

Тут все стали ее утешать, уговаривать, успокаивать. А она твердит свое:

– Надоела я вам. Мешаю я всем. Только и думаете, как бы от меня избавиться.

Тут ее опять стали утешать, уговаривать, успокаивать. Бабушка лежала с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

– Я в школу, – сказал Иван, но она даже не посмотрела на него.

Утро было серое и дождливое. Иван весело прыгал через лужи.

Правда, редкую лужу ему удавалось перепрыгнуть, чаще обеими ногами он попадал в воду. И хохотал от удовольствия.

Устал прыгать, пошел по тротуару.

Кошку на окошке увидел – отвернулся.

Собака мимо бежала – не обратил на нее внимания.

Вывески не читал.

В зеркале около парикмахерской соорудил себе всего одну рожицу.

В школу торопился Иван – еще как торопился!

А почему?

Да потому, что никого он сегодня не боялся.

Ребят не боялся.

Анны Антоновны не боялся.

Даже Аделаиды не боялся.

Да почему?

Да потому, что уроки-то он выучил! Пожалуйста, проверяйте! Сколько угодно! Вопросы задавайте, спрашивайте!

Идет Иван, подпрыгивает.

До чего, оказывается, приятно в школу шагать, когда уроки приготовлены!

Неудача

Когда Иван подходил к школе, настроение у него немного испортилось. Он вспомнил, что предстоит разговор с Аделаидой.

«Но ничего, – подумал он, – выкрутимся!»

И опять ему стало весело.

– Доброе утро! – услышал он за спиной голос Аделаиды.

Иван обернулся, гордо кивнул и сказал небрежным тоном:

– Между прочим, у меня уроки сделаны.

– Да ну? Сам?

– Своими собственными руками и своей собственной головой, – важно ответил Иван. – Даже стишок выучил почти весь. Теперь никто не скажет, что я УО.

– Посмотрим. Кто тебя знает! Может, ты сегодня опять примешься за старое?

– Наверное, нет, – со вздохом негромко проговорил Иван. – Но ведь трудно.

– Конечно, трудно. А ты как думал? Это по телевизору чужие слова легко говорить. И за лунатика себя выдавать легко. Драться легко. И по лужам топтать легко...

– Я не топал, я перепрыгивал.

– А учиться трудно, – закончила Аделаида.

«Тебе-то хорошо, – мрачно подумал Иван, когда она ушла, – ты с детства привыкла уроки делать. А я?»

Войдя в класс, он не закричал, как обычно, не запрыгал, а сел на свое место, сидел и помалкивал.

– Как жизнь? – спросил Колька.

– Нормально, – ответил Иван, – устал только. Всю ночь уроки делал. Не выспался.

– Всю?! Ночь?! – поразился Колька. – За час можно сделать.

Звонок.

«Сейчас вы все ахнете, – торжествующе подумал Иван, – сейчас меня вызовут и...»

Но сколько ни тянул он руку вверх, Анна Антоновна не замечала. Иван до того обиделся, что руки под парту спрятал.

В перемену он не двинулся с места, сидел, опустив свою большую многострадальную голову, и грустно размышлял: «Вот, пожалуйста! Только выучил человек уроки, так на него ноль внимания. А если бы он не выучил, то, будьте уверены, вызвали бы! А зачем уроки учить, если тебя не спрашивают?»

– Я уроки выучил! – крикнул он.

Весь класс окружил Ивана.

– Ну и молодец Аделаида! – сказал Паша.

– Вот это буксир, я понимаю! – воскликнул Колька.

– А она-то тут при чем? – с презрением отозвался Иван. – Я сам.

– Сам! Сам! – передразнил Колька. – Пока она тебя хорошенько не стукнула, ты и не собирался уроки учить.

В класс вошла Анна Антоновна.

«Сейчас все закричат, что я уроки выучил, – с надеждой подумал Иван, – и она меня вызовет».

Но ребята молчали. Урок шел своим чередом. Иван чуть руку не вывихнул, до того старательно тянул ее вверх. Никакого впечатления!

«Нарочно, она это нарочно! – пронеслось у него в голове. – Нарочно! Чтобы помучить меня. Чтоб поиздеваться надо мной!»

Взял да и поднял обе руки.

– Семёнов, не хулигань, – сказала Анна Антоновна.

«Если и по чтению не спросят, – решил он, – больше я вам уроков делать не буду. Ни разу в жизни».

Не спросили его и по чтению.

После уроков, когда Анна Антоновна ушла, ребята бросились из класса, устроили в дверях такую давежку, что Иван с трудом сдержался, чтобы не принять в ней самое активное участие.

Все убежали.

«Сговорились, – подумал он, – бросили меня одного, чтоб я погиб со скуки».

В дверях Иван столкнулся с Аделаидой.

- Куда? – грозно спросила она. – А домашние задания? Кто учить будет?
– Я, – ответил Иван неуверенно. – Домашние задания дома делают. Оттого они и называются домашними. Понятно?
– Понятно, – сквозь зубы сказала Аделаида. – Не возражаю. Пошли домой. Тем более, что бабушка приглашала меня заходить почаще.

Бабушка опять бунтует

- Напрасно ты со мной ссоришься, – сказала Аделаида по дороге. – Ну никак не могу понять, для чего тебе со мной ссориться?
– Дружить мне с тобой прикажешь?
– А что?
– Может, мне еще зуб золотой вставить прикажешь? – Иван хмыкнул. – Нетушки. Не бывать этому!
– Дело твое. Но я бы на твоём месте со мной подружилась.
«А я бы на твоём месте, – подумал Иван, – оставил бы хорошего человека в покое».
– Шла бы ты домой, – сказал он, – я и без тебя уроки сделаю. Как вчера.
– Не верится что-то.
Навстречу шел Егорушкин, приложив руку к козырьку, он сказал:
– Привет лунатикам!
– А он уроки вчера выучил! – радостно сообщила Аделаида.
– Какое важное событие, – насмешливо проговорил Егорушкин. – А то я у телевизора со стыда чуть не сгорел. – И серьезно добавил: – Желаю новых успехов! – Откозырял и пошел дальше.
– Событие, событие, – пробормотал Иван. – А чего смеяться?
– Забудем этот печальный случай, – предложила Аделаида. – Главное, что, кажется, ты не УО.
– Есть забыть этот печальный случай! – весело согласился Иван.
К его удивлению, дверь в квартиру оказалась незапертой.
Они вошли, заглянули на кухню – никого, заглянули в комнату.
Бабушка лежала в постели. Увидев внука, она громко застонала.
– Что с тобой? – испуганно спросил Иван. – Все еще болеешь?
– Врача вызвать? – спросила Аделаида.
– Не надо, – еле слышно ответила бабушка, – врачи тут не помогут. Обидели меня.
– Кто? – удивился Иван. – Кто мог тебя обидеть?
– Все. Вся наша семья. Никому я, видите ли, не нужна. Вот и сидите без обеда. Узнаете, как без меня-то.
– Значит, я голодным буду? – Голос у Ивана дрогнул. – За что?
– За то, что против бабушки пошел. – И она закрыла глаза. – Не беспокойте меня. Мне необходим абсолютный покой.
Иван с Аделаидой постояли, постояли и ушли на кухню.
Сели. Помолчали.
– Да-а, – протянул Иван, – дела. А все из-за того, что один раз человек проснулся утром сам.
И он рассказал об утренней истории...
– Есть выход из положения, – подумав, решительно заявила Аделаида. – Надо приготовить обед.
– А что будет с бабушкой?

– С бабушкой будет плохо. Но иначе нельзя. Ее тоже надо воспитывать. Иначе она тебя избалует до безобразия.

Оказывается, не так-то просто

– Во-первых, – сказала Аделаида, – тихо. Во-вторых, не хныкать. Представь себе, что мы на необитаемом острове. Если не сумеем быстро, без шума приготовить пищу, то погибнем. Велика ли важность – начистить картошки?

Оказалось – велика. Картошка-то круглая, и так ей хочется выскользнуть из ваших рук и укатиться под стол! Вы за ней прыг, а на плечах-то у вас голова, и вот эта голова старается обо что-нибудь стукнуться. Нож не режет картофелину, но с удовольствием режет ваши пальцы. Еле-еле успеваешь их отдернуть.

– Молодец, – похвалила Аделаида, когда Иван расправился со второй картофелиной. – Осталось еще штук десять.

А у Ивана от обиды и злости руки тряслись. Он решил: «Если картофелина выскользнет, ползать он за ней не будет, – возьмет другую». Но картошка была его хитрее. Она выскользнула только тогда, когда кожуры на ней почти не оставалось. Сами понимаете, что бросать такую было жалко. И до того Иван разозлился, что твердо решил: «Все пальцы себе отрежу, а ни одну картошку больше не выпущу!»

Испугалась картошка, больше из его рук не выскользнула.

– Ванечка! – позвала из комнаты бабушка.

– Ничего ей не говори, – прошептала Аделаида.

– Посиди со мной, – попросила бабушка, – скучно мне. Есть-то хочешь?

– Очень.

– А есть-то нечего, – весело сказала бабушка. – А я еще дней пять, не меньше, болеть буду.

Бабушка сдалась

Когда Иван вернулся из комнаты, на кухне уже вкусно пахло борщом.

– Ох и попадет... – испуганно прошептал Иван.

– Если ты очень труслив, – сказала Аделаида, – свали все на меня.

– Нетушки! – горячо отказался Иван. – А кто картошку чистил?

И он с гордостью понюхал воздух.

– А что, если нам сейчас и уроки сделать? – спросила Аделаида. – Понимаешь, как будет здорово?

– Понимать-то я понимаю, – с кислой миной ответил Иван и честно признался: – Да уж больно мне неохота.

– А ты думаешь, мне хочется за уроки браться? Как бы не так. Я иногда даже реву. До того не хочется. Зато когда я уроки сделала, я – свободный человек.

– Свободным-то человеком я быть люблю, – сказал Иван.

– Вот для этого и надо уроки учить. И еще учти: если ты во втором классе к урокам не привыкнешь, то потом тебе будет просто беда. Привыкай сейчас.

– Я привыкаю, – Иван тяжело вздохнул и опять понюхал воздух: очень уж вкусно пах борщ.

– Это еще что такое?! – На пороге стояла бабушка. – Это еще что за безобразие?! Это как называется?!

– Борщ, – ответили Иван и Аделаида.

– Борщ? – переспросила бабушка, открыла крышку и ударила ею кастрюлю, как барабанщик медными тарелками. – Кто варит?

– Я, – ответили Иван и Аделаида.

– Та-а-ак, – грозно протянула бабушка, – понятно. Издеваетесь?

– Наоборот, – сказала Аделаида. – Как раз наоборот. Не о том он беспокоится, чтобы самому поесть, а о том, чтобы вас, больную, накормить.

– Да ну? – удивилась бабушка. – Золотце ты мое бесценное.

Она хотела обнять внука, но он вырвался и сказал:

– Я, между прочим, картошку чистить научился.

Бабушка всплеснула руками, укоризненно покачала головой и проговорила:

– Так, так... Значит, зря я болела? Значит, мне и поболеть нельзя? В другой раз я заболею, а он и белье стирать научится, и пельмени стряпать, и варенье варить?! Кому я тогда нужна буду?

– А помощника вам разве не надо? – спросила Аделаида. – Разве вы не хотите, чтобы внук вам помогал?

– Может, и хочу. – Бабушка улыбнулась, понюхав, как вкусно пахнет борщ. – Но раньше-то я была незаменимая?... Да мало ли что было раньше. Давайте-ка лучше есть борщ. Проголодалась я тут, пока болела.

Иван съел три тарелки.

Иван не сдаётся

Аделаида ушла домой, взяв с Ивана честное слово, что он и сегодня сам приготовит домашние задания.

Злой сидел Иван.

Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала!

Колпачок бы с нее снял, положил бы ее на тетрадь – и поехали! Вжик-вжик, чик-чирик – готово домашнее задание.

Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в нее тетрадь – тр-тр-тр-тр-тр! – готово домашнее задание.

Или бы еще такой прибор сделали: трахнул бы им по голове, и она что угодно запомнила бы. Трах – правило запомнил, трах – стихотворение запомнил, трах, трах, трах – вот это учеба!

Иван ойкнул, потому что, размечтавшись, стукнул себя кулаком по голове.

– Гвардии рядовой Иван Семёнов! – скомандовал он. – На упражнение по русскому языку вперед – марш!

Если бы кто-нибудь в это время подставил ухо к дверям, то подумал бы, что Иван с кем-то борется – так громко он пыхтел.

Он врезался грудью в стол и высунутым языком чуть-чуть не касался страницы. Нагни он голову еще на полмиллиметра ниже, и лизнул бы строчку.

А лень-матушка стояла рядом и нашептывала:

«Бедненький, несчастненький! Пожалеть тебя, кроме меня, некому. Иди-ка лучше побегай. Или спать ложись. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Уйди ты от меня подальше, – отвечал ей Иван, – и без тебя тошно».

«Никуда я от тебя не уйду, – говорила лень-матушка, – друзья мы с тобой на всю твою многотрудную, полную невзгод и опасностей жизнь».

Каждая буква давалась Ивану с великим трудом, и когда он поставил последнюю точку, рук поднять не мог.

«Не мучь ты сам себя, – шептала лень-матушка так сладко, что глаза у Ивана закрывались, – заболеть ведь можешь. Умереть ведь можешь».

– Гвардии рядовой Иван Семёнов! – скомандовал Иван. – В атаку на примеры – марш!

И лень-матушка исчезла: видеть она не могла тех, кто добрым делом занят. (Между нами говоря, ушла она не так уж и далеко, все еще надеясь, что уговорит Ивана.)

А он побеждал пример за примером.

И хотя они сдавались не сразу, но – сдавались. А когда сдался последний пример, Иван вскочил и заплясал.

Он прыгал по комнате и что-то кричал, а что – и сам понять не мог.

Вот как радовался!

Глава 8, последняя, в которой читателя уже не ждут почти никакие неожиданности

Как Иван получил «восьмерку»

Ужас!

Иван проспал!

ИВАН ПРОСПАЛ!!!

Он выскочил на кухню и увидел улыбающуюся бабушку.

– Здравствуй, внучек, – сказала она. – Побоялась тебя будить. Уж извини. Опоздал ты. Десять с половиной минут осталось до начала уроков.

Иван быстрехонько оделся – и на улицу.

Из-за угла выехал мотоцикл! А на нем Егорушкин.

– Беда! – не своим голосом крикнул Иван. – Опаздываю! Проспал! Спасите!

– Садись, – коротко приказал Егорушкин.

Хотел ветер Ивана с седла сдуть, но Иван удержался.

Тогда ветер рассердился и сдул с его головы фуражку. Фуражка шлепнулась в лужу. Иван промолчал – после уроков ее можно выловить. Егорушкин подвез Ивана к самому входу в школу. Иван слез с мотоцикла, сказал:

– Вот спасибо, от всей моей души!

– В первый и последний раз, – сказал Егорушкин, – просто не люблю, когда опаздывают.

На радостях Иван успел до звонка побороться с Пашей, поругаться с Колькой, отобрать у одной девочки портфель, забросить его на шкаф и достать обратно.

Когда в класс вошла Анна Антоновна, Иван сказал:

– А я опять уроки сделал!

– Я знаю, – сказала Анна Антоновна. – Сейчас раздам тетради со вчерашними заданиями.

– У кого пятерки? – спросил Колька.

– Семёнов! – позвала Анна Антоновна.

– Не может быть! – крикнул Колька.

– За обе работы я поставила тебе три, – сказала Анна Антоновна Ивану. – Очень грязно и некрасиво. Но за старание ты получаешь две пятерки.

– Три да пять, – сказал Паша, – будет восемь. Ни разу в жизни восьмерки не получал.

– Маленький еще, – гордо сказал Иван.

– Вот это отметка, я понимаю! – жалобно, с завистью крикнул Колька.

К чему приводит хорошее настроение

В перемену Иван искал Аделаиду, но не нашел, только узнал, что в школу она не приходила.

«Заболела», – мельком подумал он и тут же забыл об этом, хотя про себя и отметил, что сделала она такое нарочно: вот если бы он уроков не приготовил, она бы сама его разыскала.

Хорошее у него было настроение!

И вот к чему оно привело.

После уроков Иван вприпрыжку бежал по коридору. И, можно сказать, не сам Иван, а его левая нога сама дернулась в сторону. О нее споткнулся Паша, полетел, головой ударил в живот Кольку, а Колька опрокинулся назад и сел в ведро с водой.

Сел в воду и заорал со страха:

– Тону!

Со всех сторон сбежались ребята – ничего понять не могут. Видят, что сидит в углу человек на корточках и орет. А ведра не видят.

Тут Иван сообразил и приподнял Кольку за шиворот. А ведро будто приклеилось – не падает. А Колька разогнуться не может.

Разогнули ребята Кольку – воду разлили. Вдруг – дежурный по школе. Ребята – врассыпную.

Иван – тоже бежать, да на ведро налетел и в луже растянулся, да еще проехался немного.

Лежит и чуть не плачет: ведь из него получилось что-то вроде промокашки – всю лужу его одежда в себя впитала.

– Скажи, кто тебя обидел, мальчик? – спросил дежурный, помогая ему встать.

Иван вопроса не расслышал и ответил:

– Семенов.

– Из какого класса?

– Второй «А».

– Хорошо, – сказал дежурный, – так и запишем. Не беспокойся, мальчик, хулиган будет наказан.

Побрел Иван – мокрый весь спереди.

На улице его ждал Колька – спереди сухой, зато сзади мокрый.

– Доигрался? – спросил он. – Как теперь домой идти? Попадет ведь.

– Пойдем сушиться, – предложил Иван. – С часик погуляем – и все в порядке. Фуражку мою из лужи выудим.

Как сох Колька

Фуражка намокла, утонула, и из лужи виднелся лишь кончик козырька.

Иван сказал:

– Ведро бы достать и вычерпать бы всю лужу.

– Палку бы достать, – сказал Колька, – или разуться и босиком – топ-топ.

– Так любой дурак достанет, – задумчиво сказал Иван. – А ты попробуй метод примени.

А не палку.

– Нет уж. Ты давай сам метод применяй. А то знаю я твои методы.

– Пожалуйста. Ты держи меня за ноги в воздухе, а я руками топ-топ и дотянусь до этой утопленницы.

– За ноги?! – поразился Колька. – Тебя?! Ты тяжелый. Мне тебя не удержать. Уж лучше ты меня за ноги держи, а я руками топ-топ. Я легкий. Я быстренько.

– Всегда вот у тебя так, – проворчал Иван, – я придумую, а слава тебе.

– Слава?! – опять поразился Колька. – Где я ее видал, славу-то? Вечно мне из-за тебя достается!

– Тогда держи меня за ноги.

– Не удержать мне тебя. А ты меня запросто. Я ловкий. – Колька, повизгивая от нетерпения, закатал рукава, встал на четвереньки и крикнул: – Пошли! Пошли! Полный вперед!

– Сначала на суше потренируемся, – предложил Иван.

Тренировка удалась: Колька руками ходил по земле, а Иван держал его за ноги в воздухе.

– Поворачиваю! – восторженно крикнул Колька и заработал руками по направлению к луже.

Он вошел в нее, погрузившись почти по локти, и, осторожно переставляя руки, приближался к фуражке.

До фуражки оставалось не более полуметра, как Иван скомандовал:

– Стоп! Полный назад!

Дело в том, что Иван оказался уже на самом краю лужи. Ему и в лужу заходить не хотелось, и Колькины ноги нельзя было отпускать.

– Самый полный назад! – снова скомандовал он.

А Колька увлекся, ничего не слышал и изо всех сил тянулся к фуражке. А Иван изо всех сил тянул его к себе. Колька почувствовал, что сейчас его тело разорвется на две части.

– Отпускай! – испуганно крикнул он.

Иван разжал пальцы. И Колька шлепнулся в лужу. Не крикнул. Не пикнул. Стоял на четвереньках, будто не знал, что ему делать.

– Вылезай, – прошептал Иван, – а то простудишься.

Колька на четвереньках добрал до фуражки, взял ее и вернулся на сушу, постоял еще немного на четвереньках и поднялся на ноги.

– Подсох! – жалобно воскликнул он. – Высох! Жизни мне из-за тебя нет! Вечно ты меня в какую-нибудь глупую историю втянешь!

– Никто тебя не тянул. Сам в лужу полез.

– А кто меня на части хотел разорвать?

– Это что такое?! – услышали они испуганный голос Анны Антоновны. – Что с вами?

– В лужу спикировал, – хныча, объяснил Колька.

– Вот из-за этого головного убора! – он бросил фуражку обратно в лужу. – Сам доставай. Каким-нибудь методом. Свинство это, а не метод.

– Сейчас же идите по домам, – сказала Анна Антоновна. – Ну просто беда мне с вами. Вот кого ты сегодня, Семёнов, в школе на перемене в лужу какую-то толкнул?

– Не в лужу, а в ведро, – сказал Колька. Он повернулся к Анне Антоновне спиной – сзади он тоже был мокрый. – Видали? – торжествующе спросил он. – Красота! А вы ему восьмерки ставите! Учтите, Анна Антоновна, что я зря страдал. И тут, в луже, зря страдал и там, в ведре, зря страдал. Всю жизнь я из-за него страдаю.

– Хныкалка ты, вот ты кто, – презрительно проговорил Иван. – Хныкалка, нытик и паникер.

Тут Колька сжал кулаки и подпрыгнул к нему.

– Идите по домам, – сказала Анна Антоновна, вставая между ними. – Увидят вас люди, испугаются.

– Мне домой нельзя, – Колька опять захныкал, – мне здорово попадет.

– Тогда идемте ко мне, – предложила Анна Антоновна, – я тут неподалеку живу. Приведу вас в порядок.

Еще вопрос: кого на буксир брать?

Мальчишки остались в трусах и майках. Иванову одежду повесили на балкон сушить, а Колькину Анна Антоновна решила выстирать.

– А вы пока займитесь обедом, – сказала она.

– Вот это я понимаю! – воскликнул Колька. – А какой у вас суп?

– Супу у меня нет никакого. Его приготовить надо. Что ты умеешь делать?

– Я? – Колька ненадолго задумался. – Например, суп мешать умею. Пробовать умею... Посолить могу.

– А ты, Семёнов?

– Я картошку чистить умею.

– Смехота! – Колька хихикнул. – У меня сестер две штуки. Зачем мне с картошкой возиться? – И он опять хихикнул.

Анна Антоновна поставила на газовую горелку кастрюлю с водой, положила туда мясо и ушла стирать Колькину одежду.

– И не стыдно тебе? – спросил Колька. – Хочешь, всем ребятам расскажу? Ведь задрязнят тебя. Где это слыхано, где это видано, чтобы наш брат – мужчина – картошку чистил?

– А в армии?

– Там специальные повара есть. Солдаты воюют, а повара картошку чистят и прочее. Ты поваром хочешь быть или смелым солдатом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.